

Елена Ишутина

День ангела

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8145736
День ангела: РИПОЛ классик; Москва; 2014
ISBN 978-5-386-07166-0

Аннотация

День ангела – светлый праздник, когда ангел спускается с небес, чтобы простить и благословить всех падших и согрешивших. Именно в день ангела самой яркой и талантливой девочки из компании десяти школьных друзей встречаются одноклассники, которые не виделись целых двадцать пять лет. Всех связывает страшная тайна, о которой вот уже много лет все постоянно думают, но никто никогда не говорит вслух. Именно она не дает быть счастливой людям, которые со стороны кажутся вполне счастливыми, успешными и состоявшимися. Десять судеб, связанных воедино, раскроют перед нами свои тайны на страницах этой книги.

Жизнь – удивительная вещь: порой происходящие события превосходят даже самую изощренную фантазию, а случайность – лишь псевдоним Бога. «Закон бумеранга», смертный грех, карма, расплата за грехи, искупление и благословение – все это не пустые слова... Божественное есть в каждом мгновении жизни, но, чтобы его увидеть и почувствовать, надо искупить свою вину и заслужить прощение и благословение. И тогда вы почувствуете, как ангел прикоснется к вам своими крыльями и наступит новая жизнь.

Потому что только ангелы все прощают и знают, что каждый имеет право на счастье, независимо от того, сколько ему лет, как он выглядит, что ему пришлось пережить и сколько у него грехов... Все, что нужно, – это пойти вслед за ангелом в правильном направлении. Осмотритесь вокруг – и вы обязательно заметите ангела в своем окружении.

Содержание

Пролог	4
Глава 1	10
Глава 2	23
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Елена Ишутина

День ангела

Пролог

«Видеть несправедливость и молчать – это значит самому участвовать в ней».

Жан-Жак Руссо

За окном стоял самый разгар весны 1986 года. Время, когда школьные коридоры уже взволнованно дышат в ожидании праздника – летних каникул, когда учителя подводят итоги, а ученики считают последние денечки до того самого момента, когда можно будет отдохнуть и наконец-таки расслабиться. В престижной московской школе было непривычно тихо. Никто не бегал по лестницам, никто не дрался портфелями, ни из одного класса не было слышно ребячьих голосов. Непривычная тишина царила даже в «святая святых» школы – учительской.

Алевтина Яковлевна Красина никогда не любила это затишье перед завтрашней бурей. Как настоящая актриса, она жила спектаклями, то есть своими уроками русского и литературы, которые проходили у нее, как правило, на одном дыхании. Особенно ученики обожали, когда Красина начинала новую тему. Тут ей не было равных в выступлении перед аудиторией, даже среди известных артистов театра и кино. Как-то Алевтине Яковлевне попала статья одного известного историка театра, который выдвинул тезис о «театральности», как присущем человеку биологическом инстинкте. Кстати, инстинкт, который породил не только сам театр, но и сама жизнь. По мнению автора, он руководит человеческими поступками и вне сцены. Вот в этом тезисе непритязательная учительница и нашла себе оправдание. Биологический инстинкт, ничего не поделаешь.

Однако свою работу Алевтина Яковлевна Красина считала более сложной, нежели работу актера. Ведь дети не прощают фальши, ни на йоту. И рассказывая им о том или ином писателе, о том или ином произведении, она говорила то, что было интересно ей самой, то, что поражало, прежде всего, ее саму. А то, что положено по программе, они и так, в учебниках прочтут. Зная, что литература, разобранная по художественным образам и сюжетам, уже не литература, а нечто хирургически расчлененное, неживое, учительница старалась привить своим великовозрастным оболтусам, прежде всего, любовь. Любовь к осмысленному чтению, почтение к великим писателям и понимание того, что они все-таки там в своих тонких и толстых книжках пишут. А вот зачем это они написали, дети поймут, конечно, гораздо позже.

До сих пор, читая и уже в какой раз, перечитывая, Федора Михайловича Достоевского, она сама, в свои пятьдесят с хвостиком многого не понимала, и, что самое интересное – не боялась в этом себе признаться. На то она и классика, чтобы к ней возвращаться и находить что-то для себя новое, ранее не разгаданное в силу отсутствия опыта или каких-либо других причин. Правда, последнее время рассказывать о своем предмете, божественной литературе, у Алевтины Яковлевны уже не было ни сил, ни желания. И дело тут не в пресловутой усталости, накапливающейся у нее, как мелочь в копилке, по полной программе к концу каждого учебного года. Она часто замечала, что, входя в класс, даже не в очень добром здравии, тут же получала огромный заряд энергии от своей юношеской аудитории. И затем, в процессе работы, уже медленно, буквально по капле, отдавала его обратно ученикам. Но сейчас ее буквально лишала сил недавняя трагедия...

Не на шутку разбушевавшийся директор вызвал классную руководительницу 10 «Б», Алевтину Яковлевну Красину, к себе неожиданно. Идти к нему на первый этаж с четвертого не было никаких сил. Ноги Красину просто не слушались. Нет, она ничего не боялась, но сам факт попасть под горячую руку к начальнику, совершенно не радовал. Безвольно свесив руки со стула, сидела Алевтина Яковлевна в классной комнате и пыталась хоть как-то сосредоточиться на сочинениях. В последней четверти ее драгоценный 10 «Б» писал их довольно-таки часто. Шутка ли – выпускные экзамены на носу! А там практически в любом учебном заведении потребуется умение выражать свои или не совсем свои мысли. Но до выпускных экзаменов ли тут, когда из головы не выходит это проклятое чрезвычайное происшествие.

Красина горько вздохнула. Вот уже вторую неделю у нее перед глазами стояла душераздирающая картина: лежащая на полу школьной раздевалки ученица 10 «Б» Ни на Кугушева. Голова слегка вывернута, какие-то чужие, не ее, словно стеклянные глаза с остановленным, удивленным взглядом, растрепанные волосы, школьная форма чем-то заляпана, ноги неестественно скошены в сторону. Даже непосвященному становилось ясно, что поза эта была какой-то уж больно ненатуральной для случайного падения. Когда Алевтина Яковлевна прибежала, пульс уже не прощупывался. Учительница отказывалась верить своим глазам. Первая ее мысль была: «Это невозможно!». Оказалось, что возможно. Бедная маленькая девочка, бедная маленькая Ниночка, ангел во плоти...

От нахлынувшей жалости сердце учительницы резко и болезненно сжалось, стало трудно дышать. В который уже раз она попыталась взять себя в руки. Безуспешно. Хотелось лезть на холодную стену классной комнаты и дико кричать от вопиющей несправедливости. Совсем еще ребенок, талантливая художница Ниночка была до десятого класса, чуть ли не первой ее любимицей. Она помнила девочку еще с пятого класса. Та пришла в школу в большом, не по росту, форменном платье и с такими же громадными белыми бантами, больше напоминавшими крылья у нее за спиной. Девочка незаметно встала самой последней на классном построении. Роста Нина была, действительно, не самого большого.

Но, увидев, как свысока смотрят на нее, подросшие за лето, долговязые ребята, Алевтина Яковлевна взяла этого кроткого ангела за крохотную ручку с длинными худыми пальцами и повела первой на урок. Училась Кугушева неплохо, часто рисовала для школы плакаты, оформляла стенды. Работоспособности Нины Кугушевой можно было только позавидовать. Она рисовала много, а главное – с огромным удовольствием. Сначала наивно, по-детски, а затем все увереннее, и к выпускному классу – уже почти как настоящий мастер. У девочки были целые циклы рисунков к литературным произведениям. Блестящие по своей простоте и гениальности иллюстрации. Алевтина Яковлевна ни минуты не сомневалась, что Нину ждет великое будущее.

У ее ученицы был подлинный талант, его не спрячешь. Видно, ее отец, художник районного кинотеатра, а раньше афиши новых фильмов рисовали именно такие штатные оформители, передал ей все, что знал и умел. И даже больше – свое стремление стать настоящим мастером. Алевтина Яковлевна уже не обращала внимания на тот факт, что Нина рисовала на ее уроках. Особенно много во время выступления учительницы. Как-то девочка ей объяснила, что просто прорисовывает то, что видит. Без черновика, каких-то зарисовок, сразу и набело. Психологически точно и как-то не по-детски смело. Это были сцены из произведений, сами писатели и их герои... И каждый раз для Алевтины Яковлевны ее рисунки были открытием.

- Ты, действительно, считаешь, что Лермонтов был женат? Это же венчание, да?
- Да, просто я увидела, как упало кольцо на пол.
- Дурной знак!
- Да, да Лермонтов был будто из них соткан...
- Ты так думаешь?

– Нет, просто так вижу.

Да, «талант – единственная новость, которая всегда нова»! Откуда это? Борис Пастернак, кажется... – учительница очередной раз попыталась, хоть как-то собраться, думая о посторонних предметах. Но получалось у нее из рук вон плохо. Честно говоря, втайне она мечтала тоже присоединиться к этой будущей славе девочки. Узнают про Нину, вспомнят и про нее, Алевтину Яковлевну Красину, ее учительницу. Приедет телевидение, радио, газетчики и начнут пытаться, какой Нина Кугушева была в школе. Это будет и ее звездный час. Смотря прямо в камеру, она расскажет, что заметила талантливую художницу буквально сразу, ее выдавали глаза. Вернее, необыкновенно пытливый взгляд. Потом ее работы в оформлении школы говорят сами за себя...

И все бы хорошо, но в десятом классе что-то с девочкой случилось, она замкнулась, стала плохо учиться, и думала постоянно о чем-то своем. А что самое ужасное – не рисовала! Это не для прессы будет, конечно. Ее вызывали к доске, она молчала, спрашивали с места – тот же эффект. Более того, Кугушева не сдавала и письменных контрольных работ. Хотя многие в классе видели, что Нина пыталась что-то в них даже писать. Никто из учителей не мог понять, что с девочкой происходит. Все попытки поговорить с ней, выяснить причины ее партизанского молчания, заканчивались неудачей. Грешным делом, учительница сначала решила, что Кугушева просто влюбилась в их школьного красавца Игоря, но здесь не было какой-то неразделенной любви, они даже первое время мило дружили. Сидели вместе. Мальчику она тоже очень нравилась. Потом по ее же инициативе они и расстались. Странная история. Далеко не романтическая...

Учительница вернулась к тетрадям. Вместо строк очередного сочинения, Алевтина Яковлевна неожиданно прочитала совсем иное: «...Иуда Искарот пошел к первосвященникам и сказал: что вы дадите мне, и я вам предаю Его? Они предложили ему тридцать сребренников; и с того времени он искал удобного случая предать Его». Ерунда какая-то. Причем здесь Иуда Искарот? Тема-то была совсем другой. Классная руководительница накалила себе корвалола в стакан с водой и залпом выпила. Но даже из стекол в классном шкафу, напротив Алевтины Яковлевны, на нее смотрело грустное лицо ангелочка Ниночки. Молча и как-то даже осуждающе. Складывалось впечатление, что Красина постепенно сходит с ума.

Как это могло случиться? Почему именно в ее классе? За что ей такое наказание? Почему именно с Ниной? Ничего непонятно. Голова отчаянно кружилась. Боже мой, она столько лет разбирала чужие литературные судьбы, а тут не могла разобраться в собственном классе. Нынешний ее 10 «Б» класс не был каким-то из ряда вон выходящим на фоне остальных, в которых ей доводилось работать. Обычные ребята со своими возрастными проблемами. Доброжелательные, дружные, непоседливые. Вместе ходили в походы, ездили в Ленинград. Не без драк, конечно, но мальчишки есть мальчишки...

Однако, ей, педагогу со стажем, нельзя было не заметить, что все изменилось, когда появилась это паршивая овца, испортившая все их ученическое стадо. Эта провинциальная кукла – Таня Ратник. От нее уже изначально шла скрытая угроза, но Алевтина Яковлевна старалась быть ровной со всеми своими учениками, и не придавать интуитивной догадке такого большого значения. А эта новенькая, само очарование, словно ржавчина, всего за какие-то пару месяцев развела так хорошо построенную Алевтиной Яковлевной систему послушания. Более того, Ратник стала управлять ребятами сама. Так бывает в коллективе, когда один из детей имеет какой-либо взрослый опыт. Было в этой девочке что-то неестественное. Попросту эта милая Таня не была тем, за кого себя упорно выдавала – куколкой с наивным личиком. Маска, плохо слепленная маска, не лицо, а за ней была спрятана отвратительная гримаса женщины, которая в свои шестнадцать повидала уже многое. Даже больше, чем сама учительница Красина. И в этом была ее сила.

По своему характеру Алевтина Яковлевна слыла идеалисткой, и свое мнение навязывала ученикам, но те только посмеивались в ответ. Наглые, самонадеянные и в то же время простодушные и наивные, в свои шестнадцать – семнадцать лет, они думали, что самые умные, и без помешанной на литературе учительницы знают, как им следует поступать в том или ином случае. Да что тут рассуждать? Она же видела, как жестоко задевали самую слабенькую девочку в классе, и хотя часто кричала: «Как вы можете обижать самое хрупкое создание в нашей школе – Нину Кугушеву?!», в летальный исход такой травли не верила. Правда, ребята ей тут же клялись, что больше так делать не будут, и с новой силой брались за свое неправое дело. Разговаривала Алевтина Яковлевна со всем классом, когда Нина заболела, потом с каждым в отдельности. Потом с самой Ниной, когда та наконец-таки выздоровела, но понимания не находила. На что она надеялась? На русское «авось», мол, конфликт сам собой и рассосется...

Не рассосался. На уровне подсознания, опрашивая всех участников конфликта, Красина стоически пыталась докопаться до сути. Зачем они все-таки третировали девочку? Какая у них была цель? Да, Кугушева не была похожа на других, более талантливая, более умная, но она никогда не задавалась и вела себя просто и естественно со всеми одноклассниками. Более того, чтобы не быть истиной в последней инстанции, и не идти на конфронтацию сторон, Нина Кугушева свою точку зрения высказывала осторожно, с обязательным добавлением «Я». Она всегда говорила: «мне кажется, что так будет лучше», «я предполагаю», «думаю», «считаю» и так далее... Во всех вопросах она была просто ангелом.

Красина даже никогда не орала на своих учеников, так, крикнет иногда, в сердцах. При более серьезном внушении, она переходила на шепот, и этого шепота ее ученики боялись больше всего на свете... Но в затянувшемся конфликте не помогало ничего, даже зловещий шепот. Только в одном случае Алевтина Яковлевна позволяла себе повысить голос. Сложно бывает обойтись без окрика, когда ученики беззастенчиво присваивают себе плоды чужих трудов. Но и тут было не без исключения – толстушка Марина Отаришвили. Учительнице порой казалось, что у той еще в детстве купировали часть мозга или девяносто восемь процентов его попросту не работали. Если бы не шефство Костиной, девочка сидела бы в школе до пенсии. Тут уже ничего нельзя было поделать, и Алевтина Яковлевна закрывала на ее списывание глаза.

Да черт с ним, со списыванием-то. Учительница знала, что конфликтные люди – это люди с какими-то внутренними проблемами. Безусловно, такие проблемы были у их классной «паршивой овцы» – Ратник. Но и здесь Алевтина Яковлевна, как педагог, считала, что ее задача в том и состоит, чтобы не бросаться в бой, а отнестись с пониманием и вниманием к такому сложному ученику. Не делать из него своего нового врага, а приобрести в лице такого человека настоящего союзника. Это возможно, только не путем игнорирования, а путем терпеливых переговоров, направленных на достижение взаимопонимания. Но что-то было в этих бесконечных разговорах с Таней Ратник опять же противоестественное. Хитрая учительница просто подыгрывала своей учительнице, а Алевтина Яковлевна ей наивно верила. Вот и получилось, что переиграла ее какая-то школьница, ее, педагога со стажем.

– Алевтина Яковлевна, читаю «Идиота», а мне представляются какие-то лестницы, лестницы.

– Танечка, ты, действительно, так представляешь?

– И чем больше читаю, тем быстрее эти лестницы несутся у меня перед глазами.

– Да ничего она не читала, это из фильма! – кричит кто-то из мальчишек.

Ратник слышала, как они часто разговаривают с Ниной Кугушевой, и хотела поиграть в гениальность, но не вышло. Хотя в большинстве случаев ей удавалось обвести наивную учительницу буквально вокруг пальца. Вранье, лицемерие, но убийство?... Нет, в смерти Нины нет прямых улик ни на кого из ее учеников. Как заправский следователь, Алевтина

Яковлевна чертила круги на бумаге, и пыталась понять: «Кто, кто же убил Нину Кугушеву?». А ведь это был не несчастный случай, явное убийство. И так, в центре – Нина Кугушева, стрелка – Игорь. Влюбленная в Игоря Таня Ратник. У нее было три «помощника»: вспыльчивый, невожатанный Сашка Фролов, завистливый Алик Мохов и безвольный Виталик Шабанов. Но могли ли они так запугать или ударить девочку, чтобы она скоростижно скончалась? Маловероятно. Хотя... Ей трудно представить, что ее ученики могли вообще решиться на травлю и кого? Самой талантливой девочки их класса! Гордости школы. Причем, девочки кроткой, как ангел. Как такое возможно?

А Рита Троицкая, Оля Савченко, да та же Марина Отаришвили... Все происходило с их безмолвного согласия! Нет, у нее не укладывалось такое поведение ее учеников в голове, ведь она учила их верить в доброе, чистое, светлое. Если бы что-то намечалось, ей бы кто-нибудь из детей обязательно бы рассказал. Как это было ни раз... И еще классная руководительница никак не могла поверить, что Нины больше нет. Надо все же помочь следствию разобраться в ситуации, виновные должны быть наказаны, дабы помнили об этом всю оставшуюся жизнь! От внезапно принятого решения, Красина почувствовала некоторое облегчение, даже небольшой прилив сил, и смело пошла в кабинет директора. Словно Жанна д'Арк на эшафот.

Юрий Павлович, немолодой уже и неряшливый коммуныка в старомодном костюме, был человеком прямым и бесхитростным. Он отложил папиросу «Прима», надрывно откашлялся и не стал ходить вокруг да около.

– Алевтина Яковлевна, учителя до сих пор в шоке. РОНО нас теперь замучает проверками, а вы настаиваете на проведении следственных действий. Не многовато ли для одной школы?

– А как вы думаете, Юрий Павлович, в школьной раздевалке умирает одна из самых талантливых учениц...

– Но ведь без явных следов насилия. Официальная версия – кровоизлияние в мозг. Девочка была слишком болезненная для учебы в школе. Ей рекомендовали учиться дома, а она не пожелала. Вот вам и печальный результат. У меня есть даже подписка ее матери о том, что школа не несет ответственности...

– Что бы вы ни говорили, со мной согласны все учителя. Они подозревают, что девочку – тонкую и ранимую – кто-то довел, толкнул, напугал, в конце-то концов. Не можем же мы так все оставить? И виновный должен понести заслуженное наказание.

– Однако, насколько мне известно, никто из учеников 10 «Б» в содеянном так и не признался...

– Ну и что?! Следствие все выяснит!

– Глупости, Алевтина Яковлевна. Какое следствие?! Вы что, детективов читались?! Или вам сериал «Следствие ведут знатоки» покоя не дает? Детям выпускаться нужно, а вы хотите, чтобы их по сто раз спрашивали, где они были и что делали в этот самый злополучный для нашей школы день? Вон, Алик Мохов с нервным расстройством лежит, а мальчик-то крепкий был. Вы хотите, чтобы и весь класс от вашего следствия в психушку попал. Да?

– Нет, не хочу...

– Тогда, чего же вы хотите?

– Справедливости.

– А справедливость в том и заключается, что живым надо жить. Вчера у меня был отец Саши Фролова, вам отлично известно, какой у него высокий нынче пост. Так вот, мы с ним решили закрыть это дело, в общем, спустить на тормоза.

– Как это «спустить на тормоза»?

– Закрыть за отсутствием состава преступления. Это, в конце концов, дорогая моя Алевтина Яковлевна, ваша педагогическая ошибка, если уж быть до конца откровенным. Это

вы не смогли погасить вовремя разгорающийся конфликт между одноклассниками. Были просто немым свидетелем травли. И если на то пошло, то именно вы должны нести ответственность за случившееся. По всей строгости закона. Я вас просто покрываю. Вам это-то хоть понятно?

Классной руководительнице 10 «Б» Алевтине Яковлевне Красиной, было все понятно. Понятно, как никогда.

Глава 1

Рита Троицкая

Лучшая из лучших

*«Не пренебрегай маленькими людьми – они могут помочь тебе
возвыситься».*

Абу-ль-Фарадж

– Ах, какое блаженство! Ах, какое блаженство, знать, что ты совершенство, знать, что ты идеал! – фальшивым колоратурным сопрано пела раскрасневшаяся после душа Ритуля, удовлетворенно поглядывая на себя в зеркало. Все-таки сороковник уже с хвостиком, а она еще может ровно, как струна пройти по подиуму, рекламируя нижнее белье. Да, ни жиринки на теле, ни морщинки на лице. Правда, последнее время уход за собой требовал все больше времени и денег. Но последнего у нее, слава тебе Господи, было навалом, да и времени теперь, – хоть отбавляй. Сама себе хозяйка. Ей не надо было, как раньше, задерганной и уставшей нестись утром на какой-нибудь дурацкий кастинг, простаивать там длинные очереди до посинения. А вечером в прокуренном клубе нудно топтаться до трех часов ночи с какими-нибудь сигарами неизвестной табачной компании на подносе.

Самое противное, что предлагать что-то кому-то для Маргариты Троицкой было просто противоестественно. Тем более, этим разевшимся, хорошо, если только пьяным, а не обдолбанным наркотой скотам в дорогих костюмах и их ехидным, размалеванным телкам. Даже, несмотря на наличие подруг, эти оплывшие морды, все, как один, желали переспать с ней. И уж совсем в редких случаях, что-то покупали. Хорошо, если не посылали далеко и надолго. Но в ее обязанности входило подойти к одному и тому же клиенту не менее трех раз! А вдруг он передумал, а ты находишься далеко от него? Уже на второй раз, каждый из этих гладкошерстных жмотов готов был разбить подносом ее улыбающуюся физиономию. Она это просто физически чувствовала. Эти люди привыкли сами выбирать и брать то, что им нравится. Навязывание какой-либо покупки всегда вызывает стойкое отторжение и к товару, и к продавцу, – пришла к неутешительному в то время выводу Троицкая.

Почему же она такая красивая и гордая шла на эту работу коробейника по ночам? Да, потому что иногда сжалившиеся и хорошо накачавшиеся спиртным посетители могли сунуть ей такую денежку, что ей и за полгода не заработать, даже в очень приличной конторе. Ради такой вот бумаженции Ритуля и терпела все эти унижения. И порой ей выпадал счастливый билет российского, а то даже и иностранного казначейства. Тогда она не чувствовала ни головной боли, ни узких туфель. Все ее мысли были направлены на то, чтобы закрыть какую-нибудь из образовавшихся финансовых дыр. Оплатить задолженность по квартплате, отдать долг подружке, а то и просто купить себе чего-нибудь вкусенького...

На самом деле, она больше всего на свете хотела оказаться «по ту сторону баррикад». То есть, не с этим нелепым подносом в руках, в фирменной одежде, которая через две стирки полностью теряла свой вид, как бережно ее ни стирай, а на том диване, где сидели эти крашенные куклы, которые принципиально ее не замечали, да и за живого человека не считали вовсе. «Ты что?! Как я могу бросить Севу?! – говорила одна такая фифа другой, – я же ни дня не работала и не собираюсь...» Ну просто по Гончарову получается, когда его знаменитый Обломов говорит слуге Захару, что в жизни себе сам и чулок-то не надевал, не барское, мол, это дело. Ах, мне бы их проблемы! – думала тогда Рита, сжимая кулаки с наклеенными на пальчики длинными ногтями и кусая ярко накрашенные губы. У нее уже давно голова кружилась от табачного дыма, прическа чесалась от обилия лака, ноги гудели в узких туфлях

на высоченных каблуках, накладные ресницы отклеивались от слезившихся глаз, а она была вынуждена кружить и кружить по залу, предлагая свой «фирменный» товар. В надежде, хоть что-то, хоть немного урвать от этого чужого праздника жизни.

Как-то ей повезло, на нее положил глаз очень богатый и еще совсем не старый бизнесмен. Он стал приходить в их ночной клуб все чаще, долго наблюдал за ней. Что безмерно злило его, похожую на болонку, зловредную спутницу. Но вся романтика закончилось как-то слишком быстро и уж очень неожиданно. Бизнесмен не выдержал, подозвал Риту жестом, стал гладить ее руку, сжимающую поднос, и неожиданно тихо сказал прямо ей в лицо: «Ты лучшая!», а его кудрявая шавка, так пригласив ее сзади ногу сигаретой, что Рита, чуть было не потеряла сознание от боли. Инцидент, естественно, замаяли. Риту уволили. А черное пятно на ноге, как метка, так и осталось напоминанием о минувшей боли. Вот оно, и Рита погладила маленький шрамик, глядя на темный кружочек в зеркало. Можно было, конечно, и убрать черную метку в какой-нибудь косметической клинике, но кто тогда сотрет ее унижение, впервые так явственно испытанное в тот вечер? Однако слова нестарого бизнесмена она не забыла, и как американская кинозвезда Холли Берри написала их себе в дневнике, который вела тогда регулярно, жалея и подбадривая саму себя...

А уже потом, когда от испытанного унижения, боли и ненависти ко всем богатым, Рита после увольнения сидела дома, она написала эту фразу большими буквами. И развесила везде, где только мог остановиться ее взгляд! «Ты – лучшая!» – говорила она себе по сто раз на дню. Приятельница, работавшая в туристическом агентстве, когда это сумасшествие увидела, срочно заказала два билета в Ниццу, и они улетели, чуть ли не на следующей же неделе. Подсобрав небрежно кинутых ей когда-то на поднос зеленых, Рита финансово чувствовала себя неплохо, но в личном плане у нее была по-прежнему огромная дыра...

Она хорошо помнит, как загорали и отдыхали они в пятизвездочном отеле. Вот уж где Рита с приятельницей насмотрелись на любовниц и содержанок! Те просто с высоким профессионализмом вымогали у своих жирных, короткопальцев папиков дорогие подачки. Увольте, этот путь был не для нее! Она хотела нормального мужа, детей, дом, работу. Пусть все это будет не таким богатым и красивым, но все же своим, а не временно взятым напрокат у какой-нибудь курицы в золоте. Неужели эти лапочки в «Труссарди» и «Гуччи» не видели, что их кругленькие, лысенькие, лоснящиеся от жира, ходячие мешки с деньгами были давно уже окольцованы? Конечно, видели и отлично знали. Тогда на что же они надеялись? Самое интересное, что их папики совершенно не хотели менять своих домашних наседок. Зачем? К той они уже привыкли, как к своей собственности. А эти – капризные, вздорные, непредсказуемые. Так, недельку-другую «погужеваться» можно и все...

Рита не была алчной, боже упаси. Просто, поддавшись инстинкту, она выбирала достойного отца своим будущим детям. Человека, который может их хорошо обеспечить. Зачем это все Рита теперь вспоминала? Она и сама не знала. Просто жалко бывает иногда себя саму, особенно, если пришлось пережить афронт в прошлом. Сейчас у нее было все, о чем только может мечтать девушка из высшего общества, но ведь не с неба же ей это все свалилось? А, может, и с неба, так как познакомились они со своим нынешним благоверным в воздухе, на рейсе «Москва-Нью-Йорк». Она летела тогда на показ мод, ее пригласили пару месяцев поработать в известной дизайнерской компании через модельное агентство. В тот момент Рита Троицкая была на подъеме, или, как сейчас принято говорить, «в ударе». Они смеялись, веселились с приятельницами, и никто даже не догадывался, что ей пришлось пережить, буквально тремя днями раньше в собственной семье, о которой она так грезилась раньше. И которая у нее теперь была. Но была ли Рита счастлива в этой нормальной с виду семье? Вот в чем вопрос...

– Я уезжаю работать на два месяца в Нью-Йорк, – небрежно сообщила она мужу в прихожей, снимая шарф.

– А как же Серый? – зло удивился тот, имея в виду их общего сына.

– У мальчика, кажется, есть отец! Или я что-то путаю? Ты же сейчас не работаешь. И потом, я буду вам звонить...

– Ты – проститутка! Шлюха! Совсем забыла о ребенке! – разъяренно кричал ее первый муж.

– Как раз таки я о нем только и думаю! Нам уже есть не на что и нечего! Не говоря уже о других, необходимых для жизни, вещах, – парировала она.

– Прожорливая, похотливая сучка! Думаешь, я не знаю, чем ты там в этих твоих вонючих ночных клубах занимаешься?!

– Это все твои мужицкие домыслы. Оставь их для обсуждения со своей мамочкой! Лучше бы она научила своего сыночка деньги зарабатывать, а не раздуваться от амбиций и сплетничать!

– Не твое дело, и вообще, твои деньги плохо пахнут, и не смей оскорблять мою мать!

– Не мое дело?! Тогда зачем же ты берешь у меня эти грязные деньги?

– Мне осточертела и ты, и твоя паскудная работа...

– Хорошо, – немного успокоилась Рита, отойдя от разбушевавшегося мужа на безопасное расстояние, – я буду сидеть дома. Ты будешь приносить нам тысячу баксов в месяц. И все, не будет ничего паскудного.

– Идиотка, где я их возьму?!

«Заработаешь!» – хотелось ей исступленно крикнуть, но она не успела, так как в нее полетели вещи из шкафа, больно зашлепала по голове обувь. От злости он даже попробовал задушить ее шарфом. То ли то, что она улетает в Америку, то ли то, что она была кормилицей в их семье, то ли его совсем молоденькая любовница в Иваново достали его по полной программе. Но именно тогда Маргарита поняла, что ее муж на распутье, и... уже давно не любит ни ее, ни сына. У мужчин есть одна особенность: они не всегда любят своих детей от неудачных браков. Так как именно дети напоминают им об опротивевшей когда-то женщине, с которой они некогда были в слишком близких отношениях. А, как известно, чрезмерная близость убивает любовь и порождает презрение. Это может быть даже чисто внешнее сходство с матерью, ее манера говорить или даже курить, громко и жадно всасывая дым...

Рита не стала ждать, когда ее благоверный заработает хоть немного денег. Она взяла Сережку, собрала кое-какие свои вещи и хлопнула дверью. Ей и самой тогда не верилось, но оказалось, что они уходят навсегда. С Нью-Йорком тоже было не все так безоблачно, как казалось. Все те услуги, которые предоставляло модельное агентство – кров, стол и даже больший процент от гонорара, (ведь это агентство получило заказ!), – модели должны были отработать. А так как у Риты Троицкой было всего два месяца, то она приехала в Москву, чуть ли не в минусе. Но зато с классным портфолио. Работала она в Штатах, как проклятая, не зная ни минуты отдыха, чтобы только не думать о трещащем по швам браке.

И все-таки, когда Рита прилетела из Нью-Йорка, то захотела, хоть как-то примириться с мужем, хотя бы ради ребенка. Она переступила через свою пресловутую гордость, но оказалось, что на ее месте спит и в ее кухне уже хозяйничает другая женщина. Та самая, из Иванова. Девушка, совсем еще юная, чем-то даже похожая на нее в беспечной юности. Несчастливая, она не знала, что ее ждет с этим никем не признанным гением. Нищим, бесталанным, эгоистичным, слишком уж амбициозным и авантюрно настроенным типом. Но тогда Рита в душе только пожелала им счастья. Может быть, это она была плохой женой, а не он – плохим мужем. Возможно, с другой женщиной у него будет все по-другому. Ну, дай-то бог! Только вот чудес не бывает. Это Рита Троицкая знала наверняка.

Через какое-то время ее теперь уже бывший муж приезжал к Рите мириться. Видно, серьезно повздорил со своей молодой избранницей. Но теперь это был уже совершенно чужой ей человек, чужой и чуждый... А тогда в самолете Рита почувствовала родственную

душу, когда познакомилась с мужчиной своей мечты, со своим блистательным галерейщиком. Милым, тонким, обходительным и очаровательным джентльменом. Причем, все это было у Вадика Огилви на генном уровне, а не благоприобретенным. Эдакая врожденная интеллигентность. Женщина была для него чем-то воздушным и прекрасным. Мужики его тоже боготворили за юмор и чисто мужской характер. К тому моменту он был десять лет, как разведен, причем, своей супруге Вадик, в отличие от ее мужа, оставил все, забрав только рыболовные снасти. Дети от его первого брака были уже взрослыми и, благодаря своему папочке, хорошо обеспеченными людьми. Правда, по всей видимости, совершенно этого не ценили, так как пытались им еще как-то манипулировать в свою пользу. Но ее Вадиком не так-то просто было управлять. Где сядешь, там и слезешь.

Да, Вадим Огилви – завидный жених, продвинутый интеллектуал, успешный галерейщик. Ха. Галерейщик как-то созвучно очень со словом бакалейщик. Но на самом деле это далеко не так, и профессии эти – совсем разные, хотя и там, и там нужен острый нюх и тонкий вкус. В данном случае, нюх на то, что из произведений искусства будет продаваться и покупаться. Но прежде, чем ей встретить своего суженного-ряженного, ей многое пришлось преодолеть. И кто сказал, что второй брак – всегда менее удачный, чем первый? Свежесть чувств, видите ли, притупляется, нет уже тех сил любить, той страсти, как раньше... Глупости! Просто по молодости еще играют гормоны, а потом их импульсивное и хаотичное действие притупляется, и становишься более разумным существом. Но сама химия любви, ведь не исчезает бесследно.

Именно во втором, а может, и в третьем браке начинаешь ценить то человеческое отношение, которое проявляется в твой адрес второй половиной. Возьмите любую счастливую семью известных людей, один шанс из тысячи, что, по крайней мере, у мужчины это первый брак... Конечно, Рите хотелось большой и чистой любви – одной-единственной и на всю жизнь, но видно так не бывает. Да и предметом своего почитания она выбрала человека, мягко говоря, не совсем достойного. Сейчас-то она это хорошо понимает. Вернее, он ее выбрал, а она, как доверчивая корова, пошла за ним, звеня колокольчиком. Жить в шалаше и есть траву! Ну, да какое это все теперь имеет значение?!

...Рита растерлась жестким махровым полотенцем, надела халат, и стала раздумывать, чем бы ей сегодня заняться... Их домашняя прислуга приходила к двенадцати, так как Маргарита не любила, чтобы их утреннему блаженству с мужем кто-либо мешал. Никогда не забудет она тот животный, буквально панический ужас, который охватил ее, когда в первый год их совместной жизни, на своей кухне она увидела чужую женщину. Та мирно готовила завтрак ее (!) мужу и отвечала на какие-то его вопросы. Они даже посмеивались над чем-то или, может быть, над кем-то. Возможно, даже над ней?! Рите на какое-то время показалось, что она сошла с ума и по случайному стечению обстоятельств, стала жить в какой-то другой семье. Но муж-то был ее! Ее очаровательный Вадик, и он ел фактически из рук другой женщины. Какой-то кошмар! Три дня она хмурилась, пока наконец-таки не произошел решающий разговор с мужем. Когда тот узнал реальную причину ее расстройства, то смеялся буквально до слез.

– Дорогая, это всего лишь прислуга. Почему ты так странно на нее реагируешь?

– Но она готовила тебе завтрак и смеялась вместе с тобой!

– Ого, оказывается ты у меня еще и ревнивая!

– Было бы к кому ревновать! Просто я не выношу присутствие чужих людей в своем доме...

– Ритуля, ну тебе же кто-то должен помогать по хозяйству.

– Я все могу сделать сама...

– Пойми, это не квартира в шестьдесят квадратных метров! Это целый дом, в нем скапливается пыль, грязь. Потом, у тебя аллергия. Если ты помнишь. А убирать это все хозяйство

одной немислимо, да и просто глупо терять на это неблагодарное занятие свое драгоценное время. Давай распоряжения и все! Что тут сложного?

- Давать распоряжения нужно тоже уметь.
- Вот и учись!
- Ну, пусть пыль вытирает, пол моет...
- Вот твое первое распоряжение. Молодец!
- А я буду тебе завтрак готовить.
- Нет, это я тебе буду завтрак готовить... и в постель приносить.

Мужчина ее мечты отличался потрясающим терпением и универсальным умением сглаживать конфликты. В нем сидел настоящий аристократ голубых кровей, который помогал ему выкручивать ситуацию так, что каждый, кто с ним общался, уходил счастливым и очарованным. Даже если договор был совсем не в его пользу. Ах, как лукавят те женщины, которые говорят, что они не любят, чтобы им приносили хотя бы кофе в постель. Какая ерунда! Мол, один раз попробовали, разлили все, крошки на простынке потом колются. Ну, кто же виноват в том, что вы едите и пьете, как свинтусы, милые дамы? Сами, наверное. А Ритуля так привыкла, что ее муж неслышно утром встает, тихо ходит по дому, а когда она просыпается, радостно несет ей поднос с яствами и дымящимся кофе. Просто сказка! Иногда, правда, он говорит что-то типа: «Немедленно заberi этот поднос. Мне некогда! Я должен бежать!». Вроде как сердится, что дал обещание, а ему действительно некогда заниматься такой ерундой.

Иногда он оставлял поднос на прикроватной тумбочке, и через некоторое время звонил ей из машины: «Марго! Кофе остынет!». На полном серьезе, Рита неоднократно пыталась освободить его от этой трудовой повинности, но встречала жесткий отпор. «Я еще не умер! – кричал он, если она пыталась утром что-то сделать себе сама, и очень обижался, – и еще в состоянии приготовить тебе завтрак!» Это была самая крайняя степень его раздражения. Даже сегодня, когда Вадика в доме не было, он улетел в свой сумасшедший Нью-Йорк, она положила на тарелку бутерброд с ветчиной, налила ароматный кофе и, водрузив все это на поднос, пошла... в кровать. Что поделаешь? Привычка свыше нам дана... Хорошо, что хоть поднос используется ею теперь только для собственных нужд. А не для того, чтобы в прокуренном помещении расшаркиваться перед плебеями.

Она щелкнула пультом, шли новости культуры. Говорили о какой-то потрясающей колллекции картин, но Рита не поняла о какой именно, так как ухватила только последнюю фразу. Да и бог с ней, ей это совершенно не интересно, вот Вадик расстроился бы, а она – нет. Ей интереснее был какой-нибудь там «Квартирный вопрос» или «Фазенда», на крайний случай. Она обожала дизайнировать помещения, и первое время так увлеклась своими домами и квартирами в разных частях света, что чуть было не тронулась умом. Бедная, но слишком гордая девушка даже не сразу поняла, как она теперь богата!

Единственным требованием ее мужа было – идеальный порядок. И это правило Рита соблюдала неукоснительно, делая интерьер легко и красиво. Даже унитазы в виде чаш были у нее без ножек, чтобы под ними можно было вымыть пол. Но в какой-то момент, она поймала себя на мысли, что хочет третий раз переделать кафель в одной из ванных комнат их квартиры в Берлингтоне. «Стоп! Я, кажется, схожу с ума!» – и она выпила успокоительные таблетки. Можно до бесконечности все переделывать, покупать новую недвижимость и снова в ней что-то переделывать. Маразм! В ту ночь Рите стало очень плохо. Голова горела, в груди плавилось железо, и она поняла, что все в этой жизни дается нам во временное пользование. Ничего не унесешь туда, где материальное уже не существует...

- Маргарита Львовна, это я Ирена, – внизу хлопнула дверь, и прислуга вошла в дом.
- Начинай с гостиной! – тут же скомандовала Рита.

– Есть! – с радостной готовностью ответила Ирена и тут же пошла переодеваться в свой рабочий костюм.

«Маргарита Львовна! Ненавижу, когда меня так называют! Словно училка какая-то. Да и Рита – тоже отвратительно! А Рая, Роза, Римма, Руфина, Рената – не лучше. Хотя... кому как нравится. Назвали бы меня Вика, Виктория – победа! Так нет же, Рrrrrrrрита» – подумала она, и чуть было не расстроилась. Но тут на лестнице послышались шаги – по инструкции Ирена должна была появиться перед очами своего работодателя. А то мало ли кто под ее именем может войти в дом. Это дело такое, стремное, как говорят. Быстро отставив поднос с пустой чашкой кофе, Рита схватила за ноутбук, как за спасительную соломинку. Только она успела его раскрыть, как в дверь спальни постучала неугомонная Ирена.

Входи! – крикнула Рита и внимательно стала смотреть на незажженный экран. Ей хотелось выглядеть не только по-деловому, но и не расхотаться Ирене прямо в лицо. Дело в том, что прислуга была дурной копией сценического образа артиста Данилко – Верки Сердючки. Нос несколько больше, глаза меньше, зубы кривее, а над верхней губой явно прослеживались черные волосы. Сколько раз ей Рита предлагала сделать эпиляцию с пожизненной гарантией, но Ирена не соглашалась ни за какие коврижки: «Ни, разве мне это поможет, ниии, ни в коем рази!». И, тем не менее, сходство с Сердючкой было разительным. Среди их окружения, друзей и знакомых, даже ходили слухи, что чета Огилви приютила артиста у себя на время опалы. И – о, ужас, – бедолага моет у них пол! А в этом знойном сегодняшнем беретике с пришитыми золотыми монетками, так и вообще...

Причем, Ирена была не только внешне похожа на эстрадную певицу, но и говорила также. С той же мимикой и украинским акцентом! Сама Ирена себя похожей на сценический образ артиста Данилко не считала. Однако совершенно справедливо полагала, что страшна, как баба Яга и сто чертей вместе взятых и умноженных на сто. И это счастье, что ее взяли в такой замечательный дом работать, где ее никто не видит. Наивная! Вот тут-то она ошибалась. Если бы ее фотографию в агентстве увидел бы еще кто-то из богатых домохозяек, то наверняка выбрал именно ее. Во-первых, не конкурент – не молода, не красива и не умна, то есть совсем не гарна дивчина, которая уведет, даже без сала, борщей и пампушек, мужа из-под самого носа. Во-вторых, имеет отличные характеристики. И даже какое-никакое техническое образование. В общем, «петрит в электричестве что-то», как ей объяснили в агентстве. О! Редкий экземпляр.

– Може, шо принесть надо?! Так вы скажите, я – мигом, – искренне спросила Ирена, но Рита только замахала руками, мол, иди-иди, занимайся своими делами. Ирена тут же исчезла, а Рита заметно повеселела. «Некрасиво быть некрасивой», – завертелся у нее в голове давний шлягер Верки Сердючки. А что поделаешь, если особой красоты, да и, будем предельно откровенны, талантов неземных, бог не дал? Надо как-то жить. Честно говоря, Ритуля и сама когда-то особой красавицей не была. Длинная и толстая – убийственное сочетание для юной барышни. Но как-то в школе критически посмотрев на себя в зеркало, решила, что похудеет и обязательно станет кинозвездой. Ее идеалом была Элизабет Тейлор, которая в восемнадцать лет вышла замуж за сына миллиардера Хилтона, и уже через год рассталась с этим алкоголиком, получив огромное состояние при разводе. Расстраиваться пятнадцатилетняя Рита не стала, а взялась за исправление ошибок природы.

По сути дела, Рита сделала себя сама, как скульптур, который режет из бревна изящный стан девушки. Она похудела, стала следить за весом, заниматься в спортивном зале, плавать и через какое-то время поняла, что, если есть непреодолимое желание измениться со знаком плюс, то можно это сделать и своими руками. Под руководством головы, естественно. Часто по вечерам, закрывшись в своей маленькой комнатенке, Рита открывала розовый дневник и писала тайные девичьи желания. Причем, не в какой-то там слащавой форме, типа: «Хочу, чтобы Игоречек пригласил меня в кафе!» Нет. Она писала четко и ясно: «Цель – стать кино-

звездой!». Ну, на самый крайний случай, супермоделью, – думала она. Потом Рита четко расписывала, что ей для этого не хватает: а – образования, б – знания иностранного языка, в – соответствующей внешности. И пункт «в» был, чуть ли не самым удручающим.

Как-то Рита на полном серьезе решила разозлиться на себя со страшной силой. Причем, не жалела, не оправдывала, не выгораживала, а крикнула раздосадовано, зло и в сердцах: «Да, что же это я в самом-то деле?!». При этом даже кулаком стукнула и разбила стеклянную бутылку из-под лимонада, стоявшую на ее письменном столе. Кстати, после этого она перестала пить газированные напитки, перекусывать всякими конфетками и шоколадками, а также булочками и прочими кулинарными изысками. «Искушение!» – думала мужественная Ритка, глядя на свежие торты в кондитерской, за которыми уже выстраивалась очередь...

Как настоящий стратег, Маргарита Троицкая наметила свой план действий и на весь листок красным фломастером написала английское: «Do it!». И все написанное сделала. Причем, не просто с нудным призывом – уговором «Надо, Рита! Надо!», а с фанатичной готовностью и верой в успех. После такого решающего сражения с самой собой, у девочки заблестели глаза и, не щадя живота своего, она прямо из десятого класса шагнула на подиум. Учеба тоже не была забыта. Она даже окончила курсы иностранного языка на «отлично». Трудно было, но Рита понимала, что не стоит тогда на крупные проекты-то замахиваться, да и о звездных дорожках думать. Если не вкалывать, что тогда остается? Злословить по поводу достижений других людей, которые добились успеха? Достойное времяпрепровождение, нечего сказать.

Еще тогда, в своей нежной юности, Рита увлеклась биографиями известных людей, тех, кому приходилось выбиваться из самых низов. Особенно ей запомнилась история про нищего Энрике Карузо. Бесспорно одаренный незаурядным голосом, для того, чтобы оплатить уроки вокала с преподавателем, он вынужден был переписывать для студентов ноты, сидя под уличным фонарем! Это потом у него было восемьдесят пар обуви и пятьдесят костюмов, а тогда... Кто знает, стал бы он тем Энрике Карузо, о котором до сих пор ходят легенды, и поют потрясающие песни-посвящения, если бы не учеба и честолюбие... А сколько одаренных людей так и остались петь в каких-нибудь низкопробных комбинатах общественного питания, не желая продолжать свое обучение, напрочь забыв о честолюбии?!

Чего-чего, а уж честолюбия у Риты хватало! И гордости было – хоть отбавляй. Она ссорилась и, к сожалению, совсем не умела прощать. Так и оставались ее бывшие друзья и знакомые врагами на всю жизнь. Она могла уйти и хлопнуть дверью, даже если это было очко не в ее пользу. Маргарита много потеряла из-за своего гордого нрава, но одно все-таки она уяснила твердо. Победоносную власть своей улыбки. Некоторые люди не умеют улыбаться, а вот Ритуля просто преображалась вся, растягивая свой прелестный ротик в обе стороны, чуть ли не до самых ушей.

К сожалению, Рита знала неприятное свойство своего холодного выражения лица – отпугивать других людей. Быть доброжелательной ей не позволяла гордость, и создавалось впечатление, что она – высокомерный и заносчивый человек, не терпящий никаких возражений или малейших притеснений. Может, оно так и было, но только для незнакомых людей. Тот, кто ближе знал Риту, не находил ее нрав столь неприглядным.

– Маргарита Львовна, а окна будем сегодня мыть?

– Я же тебе сказала, что раз в неделю достаточно!

– Мыла два дня назад.

– Значит, не нужно! Помой кабинет Вадима, только ничего не переставляй! Особенно альбомы.

– Знаю, знаю, и картины трогать не буду, даже рамки!

– Правильно, иди!

Она уже умела давать указания, и всегда проверяла сделанную работу. Ирена об этом знала, и всегда очень старалась. В принципе, ее работой она была очень довольна. Болезненная склонность к идеальной чистоте иногда даже играла с ней злую шутку. Так, купив комод в стиле шебби-шик, то есть в состоянии легкой потертости, Рита через день обнаружила, что комод совершенно новый. Оказывается, увидев, якобы потертый предмет, Ирена его покрасила!

Задумавшись, Троицкая машинально нажала на включение ноутбука и даже подключила Интернет. Купить, чего-нибудь в интернет-магазине от нечего делать? Или сынуле по аське черкнуть пару строк? Рита вспомнила, что еще на прошлой неделе обещала мальчику сказать дату своего приезда. Сережка, конечно, уже не нуждается так в ее присутствии, как раньше. Маленьким он мог часами ждать ее под дверью, прислушиваясь к каждому шороху, к каждому скрипу. Даже спать не ложился без нее, так и засыпал в коридоре, на коврике. Рита знала это свойство маленьких мальчиков – дикая привязанность к матери, на которой он непременно женится, когда вырастет. Потом как из-под земли возникали любимые девочки, женщины, образовывались семьи, появлялись дети. О матери забывали, все реже звонили, все меньше писали. Где-то внутренне она была к такому повороту событий готова. В конце концов, это и есть жизнь. Ты отдаешь детям свою любовь, они эту любовь передают своим. И это нормально.

Жаль, Сережкина «ромашка» в аське была красной. Что поделаешь, в Америке ночь. Покупать в интернет-магазинах тоже ничего не хотелось. Она просто не могла уже ничего нового придумать, что бы ей могло понадобиться. Рита посмотрела почту и увидела: «У вас новое сообщение» на сайте «Moiclass.ru». Еще перед своим отъездом Сережка поставил ее фотографии на этот сайт. Где-то подсознательно он все же гордился своей матерью. Сообщение было от Игоря Гордиевского, они вместе учились с пятого по десятый класс: «Ты видела мои новые фотки? Что-то нет твоих отличных оценок, одноклассница. Жду».

Ну, Игорек, как всегда, в своем репертуаре, все о себе, да о себе. Надо сходить к нему на страничку, посмотреть, что это он там отчубучил на этот раз. Игорь так любил себя, что даже ей, признанной фотомодели, ставил отличные оценки авансом, чтобы она ставила такие же ему. В общем, кукушка хвалит петуха за то, что хвалит он кукушку.

– Троицкая, что ты из себя строишь королевну? – любил подтрунивать над ней Игорь в школе.

– На себя-то посмотри! Выискался здесь, принц Датский! – и весь класс просто взрывался от хохота.

– Я-то принц, без сомнения, а ты-то кто? – не отставал Гордиевский, поставив ногу на школьный стул.

– Знамо кто, звезда Халивуда! – вторила ему Мака, Маринка Отаришвили.

– Нее, она еще сфесточка, – высказала свое мнение Ольга Савченко, что-то темпераментно жуя. Опять смех.

– Знаете, что смех без причины – признак дурачины? – парировала Рита и, надменно садясь за парту, открывала учебник. На том все и заканчивалось.

Нет, друзьями они никогда не были, не было даже какой-то определенной компании. Так... разброд и шатание. Общались, сходились, расходились. Броуновское движение, в общем. Учителя признавали в них личностей ярких и самобытных, но сплочению их всячески препятствовали. Так легче было управлять. В противном случае, они могли бы стать бандой неумняемых подростков и неизвестно что по молодости могли бы натворить. Их классная руководительница, Алевтина Яковлевна, выделяла из всех тридцати шести человек только их: Гарика, Альку, эту сучку Таньку, жадную Ленку, Фрола, верней, Сашку Фролова, Маку, Виталика и Савву, то есть Ольгу Савченко. И еще Нину... Нину Кугушеву. Настоящего ангела во плоти. Ее так все и называли – ангел...

Ей до сих пор стыдно, что она еще раздумывала, а идти ли ей на похороны Нины, и как она там будет выглядеть. Но никто из их класса ни на кого не смотрел, просто плакали навзрыд и все. Считается, что боль притупляется с годами. Рита даже периодически забывала о том, что произошло с Ниной, да и о бывших одноклассниках тоже. Но уж когда вспоминала, то чувствовала себя, как ответчик в зале суда, когда присяжные выносят свой вердикт: «Виновна!». Забывать о Нине не позволял и Вадик, вернее, его дикая любовь к художникам и живописи, а ведь Кугушева рисовала, и не просто рисовала, а была прекрасным графиком и писала картины маслом. Как-то быстро так, самобытно, словно знала, что отпущено ей совсем немного. Может быть, она стала бы большой художницей, если бы не Ритино равнодушие и эгоизм.

Из всех девочек в классе Нина выделяла только Риту, она так на нее смотрела, что становилось просто не по себе. Как-то уж слишком пронзительно грустно. Рите даже иногда казалось, что ее странная одноклассница – ясновидящая, знает что-то большее, нежели все остальные. И, действительно, в какой-то момент Троицкая поняла, что Нине открыта какая-то тайна, тайна бытия, тайна прошлого и будущего. Будто она уже знает свое предназначение, и вообще знает намного больше, нежели все они вместе взятые, ее одноклассники. Несмотря на маленький рост, Кугушева казалась ей просто Гулливером в стране лилипутов, так как она была намного прозорливее их. Правда, в последнее время Нина больше отмалчивалась, но тем загадочнее было то, что она могла бы сказать...

Положа руку на сердце, именно Рите больше всех хотелось дружить с Ниной, и та, по всей видимости, мучалась аналогичными желаниями. Но Троицкая такого себе и представить не могла! Нина была так плохо одета, и была настолько странной, что их союз выглядел бы со стороны просто по-идиотски. Высокая, ухоженная Рита в чешской обуви и в сшитом на заказ школьном платье, что было особенным шиком по тем временам. И маленькая, худенькая, в домашней вязанной кофточке, вечно замерзающая в своей лоснящейся и очень коротенькой форме, вся какая-то потрепанная Нина. Но дружили же Костина и Отаришвили? Совершенно разные девочки.

Еще одна была у Риты отговорка: тогда, в общем-то, было не время, так как эта сексуальная маньячка Танька Ратник начала травлю Нинки из-за красавчика Игоря. Гордыня не позволяла Рите взять над безответной Ниной шефство, которая буквально на себе проповедовала идею толстовства. Ударили по одной щеке, подставь другую! Ведь так тоже нельзя, бороться же надо.

– Нина, – говорила ей возмущенная Рита, – ну почему ты молчишь?! Дай же им отпор...

– Они не ведают, что творят... – полушепотом отвечала Нина, опустив свои зеленые наивные глаза.

– В том то и дело, что слишком хорошо ведают. Слишком хорошо! Понимаешь? – она буквально трясла Нину за плечи.

– Отпусти, мне больно. Я не могу так, как ты...

– Я тоже не могла сначала. Но они же тебя затравят, как ты этого-то не понимаешь?!

– Пусть.

– Героиня, да? Зоя Космодемьянская на очной ставке с фашистами! Кино и немцы просто! Ну-ну...

Своим непротивлением Нина раздражала ее все больше и больше. Такой своеобразный Иисус Христос в школьном фартуке, идущий по своему последнему пути к Голгофе. Как-то в сердцах она даже сказала: «Да, черт с ней, с этой чокнутой. Чтоб она сдохла со своими принципами и верой в разумное, доброе, вечное!». Даже сейчас, вспоминая о Нине, Рита не могла не злиться. Но больше всего, она злилась на себя саму за то, что чувствовала свою вину и как та девочка в песочнице, ударившая другую ведерком, пицчала: «Она сама виновата! Сама!».

...Фотографии Игоря были неплохими, но фонов каких-то особенных или пейзажей видно не было. Портрет, фотография в полный рост и Игорь, развалившись на каком-то диване. Создавалось впечатление, что он сам себя и фотографировал. Надписи соответствующие: «Я у себя один!», «Это я, ваш Гарик». Ну и так далее. Рита поставила ему все пятерки. А вот и их совместное фото на школьном календаре. Вместо уроков, в парадной форме, они поехали в какую-то фотомастерскую, где их специально снимали, по заданию РОНО. Это было в тот день, когда Нины не стало. Может быть, если бы они остались в школе – не случилось бы того, что случилось...

Да, что сейчас-то гадать?! Глядя на фотографии Игоря, Рита не могла не заметить, что многие из них просто отличные. Дело в том, что Игорь, действительно, был красив от природы. Но почему-то ему казалось, что внешность – это его личное достижение. Он не мог сказать, как в свое время Владимир Высоцкий: «Я вышел ростом и лицом. Спасибо матери с отцом!». А родители у мальчика были, хоть и люди простые, но очень яркие внешне. Особенно отец, молдаванин по национальности. Его черные, как смоль волосы, густые брови, смуглая кожа и какие-то, почти фиолетовые глаза нашли в сыне нежную, почти акварельную копию. Словно маститый художник опытной рукой подправил грубую картину ученика, и получился гениальный портрет.

«Ритка, ты, как всегда, самая лучшая, – писал ей Алик Мохов, – звезда подиумов и фотошопов! Новые фотки, вообще, великолепны. Вернее, ты на этих фотках! А что это позади тебя за фазенда? Твоя или к кому в гости заехали? Ходили слухи, что ты вышла замуж за какого-то известного супербогатого антиквара...». Алик был небольшого роста, носил длинные светлые волосы, был активен и весел, несмотря на плохую успеваемость. Некоторое время он даже с ней сидел за одной партой, и с завидной регулярностью списывал. Почему-то чисто внешне Рита помнила его лучше всех. Даже его раненный на труде большой палец левой руки и совсем маленький шрам на правой щеке, оспинки. Память, конечно, вещь очень даже избирательная.

«Алик, спасибо тебе за высокий бал. Фазенда моя, – написала Рита не без гордости, – а замуж я вышла давно и не за антиквара, а за галерейщика! Фамилия Огилви тебе ничего не говорит? Как сам-то? Пиши!» Почему-то на сайте ей писали, в основном, мужчины, а оценки ставили вообще какие-то неизвестные субъекты. Порой, намного моложе ее. Странно... Ведь на ее страничке был указан возраст, а потом есть фотографии и с мужем, и сыном... Зазвонил мобильный, она чисто интуитивно почувствовала, что это звонит муж. И точно.

– Маргарита, привет! Это твой Мастер.

– Привет, Мастер. Как дела?

– Ты даже себе представить не можешь, какие замечательные картины я здесь, как ты говоришь, надыбал! Это будет мировая сенсация! Босх отдыхает...

– Господи, ты каждый раз так говоришь, когда куда-нибудь уезжаешь от меня подальше.

– Глупенькая, клянусь, на сей раз это – чистая правда. Совершенно неизвестные никому картины. Новое направление. Безумно талантливые. Детка, ты увидишь и ахнешь.

– Ты лучше скажи, когда я тебя увижу и тогда уж точно ахну!

– Ну, пару денечков мне нужно будет на оформление таможенных бумажек, повидаюсь с Сережкой и прилечу. Зайка моя!

– Сережку целуй от меня и дай ему, пожалуйста, денег.

– Не учи ученого кушать кипяченого. Сам когда-то был маленьким мальчиком.

– Ты что там опять своего американского друга-собирателя русского фольклора встретил?

– Ну, ты же знаешь, мы со Скотти Маерсом – просто не разлей вода.

– Это точно. Кстати, у вас там сейчас ночь. Ты, почему не спишь?

– Стараюсь жить по Москве, чтобы не перестраиваться...

– А что ты там ешь?

– Ну, как всегда, спринг-роллы какие-то с бамбуком. Прямо пирожки с капустой наши.

А что? Мне нравятся.

– Опять китайщина.

– Ну что поделаешь, люблю я эту кухню. Гулаужоу, например. Юсаньджоусы, а?

– Да ну тебя, приезжай лучше скорее. Китайских ресторанов и здесь полно.

– Слушаюсь и повинуюсь, моя госпожа. Скажи мне честно, тебе никто в постель кофе там не носит?

– Успокойся, никто.

– А то смотри у меня. Приеду – порву, как Тузик грелку.

– Ладно, Сильвестр Сталлоне, чао-какао.

– Оливидерчи, Рита!

Кстати, его друг Скот Маерс был чуть ли не самым известным галеристом в Америке. Самое интересное, что у него кто-то из предков был русским, и он обожал собирать всякие такие выражения. На вопрос: «Как дела?» Мог спокойно ответить: «Как сажа бела!» или «Бьют ключом и все по голове». Или что-то подобное. Они как-то быстро с Вадиком нашли общий язык и подружились. Рита была спокойна – ее Вадик в надежных руках и прекрасно проводит время. Наверняка он ей звонил с дивана в гостиной Маерсов, где он остался после бурных возлияний виски. Ее всегда поражала эта манера американцев пить разбавленный или не разбавленный крепкий спиртной напиток и ничем его не закусывать...

Вадик очень быстро осваивался в любой стране, и его часто даже свои, русские, принимали за иностранца. Как-то он летел с бригадой наших музыкантов и, выпив, притворился иностранцем, так сопровождающий группы из комитета так с ним разоткровенничался, что пришлось признаться в розыгрыше, дабы не произошла государственная измена. Смущала и фамилия – Огилви. На самом деле, он, действительно, очень долго прожил за границей. Практически восемьдесят процентов своей жизни. Родился ее муж в Германии, жил в Италии и Франции. Особенно долго – во Флоренции. Может, оттуда такая неземная любовь к живописи? Кто знает. Рите всегда казалось, что все в нашей жизни, каким бы это абсурдным не казалось, как-то взаимосвязано. Все имеет какое-то значение, какой-то одному Всевышнему известный смысл. И человек только через много лет понимает, почему и зачем что-то с ним произошло раньше.

Может, то, что она так страдала, дало ей возможность оценить и почувствовать то, что с ней происходит сейчас? Вряд ли она ценила бы своего ненаглядного Огилви, если бы вышла за него замуж, допустим, в двадцать лет. Наверняка она бы считала, что все мужчины такие замечательные и очаровательные, и просто обязаны носить ее на руках. Так Рита Троицкая написала в своем дневнике, что «в браке нельзя брать весь груз забот на себя, так как другой человек тогда остается лишь пассажиром». Где-то она это вычитала? Трудно вспомнить, но вот весь груз забот она взяла. И ее замечательный первый муж сел ей на хрупкие женские плечики, свесив ножки.

Тут опять зазвонил мобильный.

– Ну, что ты делаешь, Маргоша? – в трубке послышался мяукающий голос Верки – давней приятельницы.

– В постели лежу.

– Помилуйте, барыня, уже три часа дня!

– Ну и что, я никуда не спешу.

– Слушай, Маргоша, я знаю, что твой Огилви смотался. Мой Лысик тоже опять на своей нефтяной вышке, сел там на иглу. У Эммы благоверный на гастролях. А что, если нам поехать прошвырнуться за шмотками, посидеть в каком-нибудь новом ресторашке, а?

- Хорошо, но только не как в прошлый раз.
- Ладно, мы быстренько. Пару часиков всего-то.
- Знаю я твои пару часиков...
- Собирайся, через сорок минут я к твоим воротам подъеду. Ага?

«Быстренько» растянулось ровно на три дня. Сначала они действительно серьезно пошли по магазинам, усердно себе что-то выбирали и покупали. Потом проголодались и забрели в какой-то уютненький ресторанчик, потом еще в один. Потом попали на какую-то презентацию ювелирных украшений, где их встретили с распростертыми объятиями и дорогим шампанским. Затем поехали зачем-то к Милке, у которой тоже уехал в командировку муж. Там они все снимались в телепередаче «Клуб временно покинутых жен».

Дело в том, что Милка была телевизионщицей, и ее гостиная в доме на Минской шоссе, была оборудована под телестудию. Нет, ничего неприличного там не было. Рита помнила, что никто из дам не раздевался, не ругался матом, но говорили с умным видом какую-то ерунду, потому что, собравшись утром, смеялись до упаду над собственной глупостью. Потом долго парились у Милки в сауне, плавали в бассейне уже почему-то у Эммы. Опять поехали в какой-то неизвестный широкой публике ресторан, а затем – в ночной клуб или даже два подряд. Дабы продемонстрировать роскошь своих только что купленных нарядов. И, в конце концов, решили завершить «прогулку» культурной программой – поехали зачем-то к Маргарите смотреть картины, так как на следующий день уже должен был приехать Вадик...

Встала Ритуля с сильнейшей головной болью, и тяжестью во всех тренированных частях своего подиумного тела. Что-то бурчащая себе под нос Ирена, смешно так приплясывала на худеньких своих ножках, и выполняла какие-то особо сексуальные «па» со шваброй в кухне. По всей вероятности швабра ей заменяла шест стриптизерши, потому что она еще при этом и раздевалась. Нет, – думала Рита, – у этой дамы ярко выраженный артистический талант. Причем, талант – очень редкий для нынешних театральных див. Ирена, несомненно, была бы готовой клоунессой, похлеще Ардовой, Ароновой или Воробей.

Мозг Троицкой-Огилви судорожно переводил украинскую мову. Оказывается, они целой ватагой завалились в дом вчера ночью, насвинячили тут, напачкали везде, выпили почти все запасы спиртного и даже на какой-то из картин расписались губной помадой. А карандашный набросок художника Иванова, что написал огромного Христа, не имеющий, между прочим, цены, Маргарита Львовна подарила этой Эмке-трубадурке. Что скажет Вадим Батькович на такую щедрость за чужой счет? Это где это видано?! Просто какой-то аттракцион неслыханной щедрости!

И еще совсем уже обезумевшая хозяйка зацеловала Милку-курилку, а та стала плакать и говорить, что ее так страстно даже родной муж никогда не целовал. Как можно целовать такую женщину, которая без мундштука нигде и не появляется?! Это все равно, что обливать пепельницу! В общем, маразм крепчал в нашей компании с каждой минутой – ведь давно известно, что бабы без мужиков совершенно звереют, и отпускать их одних никак нельзя, а тем более – с такими большими деньгами. В общем, она еле отмыла следы нашего разгульного поведения, и если так дело пойдет и дальше, то она, Ирена Васильевна Шматко дальше такое безобразие терпеть, не намерена, так как нанималась она в приличную семью изысканных галерейщиков, а они ведут себя, как простые бакалейщики. Ну и все в таком вот роде.

– Стоп! Ирена Васильевна, ты можешь немного помолчать и дать мне какого-нибудь там Алко-Зельцера, например?

– Как вам не стыдно, – пропела Ирена, опуская таблетку в стакан с холодной водой. Та зашипела.

– Ой, стыдно, ой стыдно. Ты мне лучше скажи, когда мой благоверный приедет? – спросила Маргарита, тяжело опускаясь на диван.

– Ужо, Андрейка за ним поехал...

– Куда это он поехал?

– Куда, куда. На Кудыкину гору! – и чуть помолчав, добавила, поджав губы: – В аэропорт, конечно!

Поставив стакан, Маргарита понеслась в ванную. Лицо – бледное, под глазами – круги. Ужас! Ее стало трясти то ли от волнения, то ли от того обилия алкоголя, которое было сконцентрировано у нее в крови за эти три дня. Она полезла в душ. «Быстрее, быстрее!» – подбадривала себя Рита. И только она дорисовала оставшийся без макияжа глаз, как в прихожей раздался звонок. Ничего не видя перед собой, она понеслась навстречу своему благоверному. Вадик вошел в дом, как триумфатор. Его глаза загадочно блестели. За ним шел Андрей, водитель, и аккуратно нес какой-то огромный деревянный чемодан...

– Хочу, чтобы ты немедленно взглянула на это сокровище, – без всякого вступления начал Огилви.

– Ну, конечно, конечно, главное – это твоя находка! – скороговоркой произнесла Маргарита.

– Подожди здесь, я должен их распаковать!

Как в детском саду, Рита закрыла ладонями глаза с одной только мыслью: а пахнет ли у нее изо рта перегаром!? И привычным способом дыхнула. Вроде нет. Голова сильно кружилась, подташнивало.

– Входи! – победно скомандовал Вадим.

Рита отодвинула штору, посмотрела на Огилви, потом на расставленные картины, сощурилась и не поверила своим глазам.

– Смотри, это просто какие-то смертные грехи в современной трактовке! Данте не мог себе даже такого и вообразить. Босх уронил свои кисти на мольберт... А вот эта девочка просто удивительно похожа на тебя в юности!

Маргарита подошла ближе, посмотрела на картину с девочкой. Дыхание у нее перехватило, потом и остановилось вовсе, перед глазами что-то стремительно завертелось, закрутилось, ноги стали ватными. Неожиданно потемнело в глазах, и она буквально, как барышня в девятнадцатом веке, упала в обморок.

– Боже, я знал, что она будет в восторге, но не до такой же степени, – засуетился над ней Огилви, – она даже тоньше чувствует живопись, чем я. Это немыслимо! Успех картин будет колоссальный!

Глава 2

Алик Мохов

Золотая рыбка

«Зависть терзает и сама терзается».

Овидий

Менеджер по продажам в элитном автосалоне Игорь Тихомиров, решительно подошел к блестящему новизной Хаммеру. И, как заправский экскурсовод, стал объяснять заученными фразами потенциальному покупателю все достоинства автомашины: «Понимаете, экстерьер HUMMER HX, свободен от излишнего украшательства. Тем не менее, имеет особенности, которые говорят о традиционных для HUMMER высоких технологиях и инновациях. Да вы и сами видите».

Клиент слушал его очень внимательно. Игорь же говорил, а сам в этот момент в уме прикидывал, насколько серьезными могут быть намерения слушателя. Мужичок, который к нему обратился, был даже несколько «перебористо», но все же время фирменно одет. Как-то слишком уж подчеркнуто ухожен и, по всей видимости, платежеспособен. Но все-таки сомнения в том, что он, действительно, собрался покупать, оставались. За время своей работы в автомобильном салоне, Тихомиров видел многих покупателей и псевдопокупателей. Были и ярко выраженные богатеи, но те почему-то думают, что их постоянно обманывают. Что машину собирают где-то у нас в Калининграде полностью. Слово «адаптируют» к российским условиям им, так и вообще, ничего, как видно, не говорит. Скорее всего, они сами других накалывали, и абсолютно не представляли себе, как можно зарабатывать без обмана...

«На интерьер данной модели, дизайнеров вдохновили традиции мировой авиации, – монотонно продолжал он, как ни в чем не бывало. – От сидений, которые ассоциируются с кабиной самолета, до интегрированных органов управления, приспособленных для движения по бездорожью. Красота интерьера HUMMER HX основана на целесообразности». И все-таки что-то в этом мужике опытного психолога Игоря Тихомирова настораживало. Но вот что конкретно?... Может быть, то, что он демонстрировал свою обеспеченность, какую-то эксклюзивность всего, что у него было. Словно этот человек был ходячей рекламой лучших часов, ботинок, портфелей. Честно говоря, не очень-то все это ему подходило. Как-то не вписывалось в целостный образ, будто он одолжил все эти эксклюзивные вещи, у других людей...

Клиент ничего не говорил, но чувствовалось по его жестам, что он стремится показать всему миру, что именно у него все самое лучшее и самое дорогое. Хотя, может, для покупки HUMMER HX это не самое худшее качество. И продавец, как в воду глядел. Слушатель тронул его за плечо, словно хотел остановить бурный поток славословий в адрес машины.

– Я все понял, старик. Когда вы ожидаете HUMMER HX этого года?

– Не раньше августа.

– Хорошо, это меня вполне устраивает. Что нужно сделать, чтобы машина была у меня самого первого?

– Для этого давайте сначала составим договор, внесем предоплату.

– Давайте.

– Договор у нас типовой, ваши фамилия, имя, отчество.

– Мохов Альберт Анатольевич.

– Спасибо, вот здесь подпишите, пожалуйста.

Альберт Анатольевич Мохов ехал в своем шестисотом Мерседесе по дороге домой и думал: «А не прогадал ли я с машиной?». По своей конституции он был невысоким товарищем с заметной проплешиной, а рядом с этим танком так и вообще терялся... Правда, внутри салона чувствовал себя вполне комфортно. Ничего страшного, будет эдаким Лениным на броневику. Опять покупать новый «Лендровер»? И это после того, как у него так бесшумно увели предыдущую машину? Буквально из-под носа. Тихо выкатили автомобиль ночью, прямо с дачного участка, когда все спали. Говорят, что это возможно, благодаря спутниковой охранной сигнализации...

Милиция, вызванная тогда зафиксировать кражу, сказала, что всем его домочадцам несказанно повезло, что они не видели мошенников. Попадись кто-то из его родных на пути воров, то страшно даже было подумать, что бы могло случиться. Особенно с детьми. Безусловно, Алик производил впечатление очень обеспеченного человека, но ведь и у него были свои проблемы. А потом, почему он был должен работать на других людей? И вообще, Мохов как-то не понимал, когда другие делали покупки в кредит, да и деньги брали в долг. «Эх, дал бы кто займы до следующей зимы, и позабыл об этом», – песня, явно написанная не для Алика. Кредит – ведь это тот же долг, – справедливо считал Алик Мохов. – По сути дела, берут у других работников их товары или услуги, а ничего не дают им взамен. Значит, тратят больше, чем производят. А вот богатый человек производит больше, чем тратит. Есть разница?!

Еще в юном возрасте Алик осознал, что проблема того, что его родители до сих пор не богаты, не в том, что в Америке у них нет престарелого бездетного родственника-миллионера, а в том, что они сами не позволяют себе стать обеспеченными людьми. Для начала в мыслях, потом в действиях, которые каждый человек предпринимает для того, чтобы стать богатым. «Денег нет, ты же знаешь. Не плачь. Другие живут еще хуже!» – часто отвечала ему мать на просьбу купить игрушечный самосвал, как у соседа Вовки...

Но Алик видел не тех, кто живет еще хуже, а тех, кто живет лучше их семьи. Сравнивал, и это сравнение было не в пользу родителей. Первое, что приходило маленькому Алику в голову, когда он твердо решил разбогатеть, была мысль: «Ограбить банк!», но так как он был неуклюж и самонадеян, его обязательно найдут и посадят. Это было верхом глупости, конечно. Тогда что? Нарыть где-то клад! Но этот клад можно искать годами и в результате не найти никогда. Поэтому он гнал от себя этот вздор, и решил, когда вырастет, заняться прибыльным делом. Торговлей, например. Во времена тотального дефицита, Мохов не стал работать экономистом по распределению, а с командой таких же мешочников – выпускников вузов, возил из Китая разные вещи. Кожаные куртки, шелковые блузки, даже тряпочную обувь. Особенно много пришлось переправлять на родину игрушек. Куклы Барби так ему осточертели, что он ни в чем не повинных блондинок просто возненавидел.

Вы когда-нибудь пробовали упаковать четыре тонны кожаных курток за ночь, причем, каждую из них скрутить, как можно сильнее, чтобы она занимала как можно меньше места? На сто первой хочется уже волком выть. Это только с виду жизнь челнока была завидной. Поездки за границу, средненькие, но все же гостиницы, рестораны с экзотической кухней. Нужно было прилететь в Пекин, затариться, упаковать все, сложить, отправить. Затем получить товар уже в Москве, выгодно продать его, получить деньги. Опять прилететь в Пекин, и начать все сначала. А если пятьдесят, а то и семьдесят процентов этих курток – брак, а если отправленное карго застрянет где-то в Антверпене на пару месяцев или не придет вовсе, а если ваш заказчик передумал брать привезенный вами товар, как было не раз... Что тогда?!

В общем, не работа, а настоящий кошмар. И в результате профит составляет крохи, которые мигом улетают неизвестно куда. Допустим, он все же перекрутится как-то так, что получит большие деньги. Но как он сможет потом распределить эту большую сумму денег, если не может, правильно, как следует, распорядиться маленькой? – мучительно рассуждал

Алик Мохов. Не мелочный подсчет был его предназначением, Алик Мохов страстно хотел властвовать над большими деньгами.

Властвовать, но не становится их рабом. И опять с ним не было сказочной золотой рыбки. Он понимал, что деньги, вернее сказать, стремление к их обладанию, в современном обществе потребления стали буквально наркотиком, «дозой» заполняющей пустоту человеческого существования. Ну, купил он то, что хотел, порадовался некоторое время приобретению, потом привык, и заскучал. А то и увидел у кого-то вещь лучше приобретенной им. И так до следующей покупки. Не интересно, батенька, знаете ли, так жить! – решил Алик. Наблюдая за постсоветскими нуворишами, которые со скоростью ветра плодились в нашей стране, Мохов видел, что по настоящему богатые люди не кичатся своим богатством, а вполне заслуженно гордятся им, так как большие деньги – это констатация их выдающихся способностей! Кого ни возьми. Потом, богатые люди – все фанаты своего дела, берущие ответственность на себя за людей и предприятие, которым руководят. Они всегда полны идей, их голова похожа на кипящий котел и они уверены, что у них все обязательно получится. Одновременно раздражал и восхищал Алика этот «ботаник», Билл Гейтс. Как он мог создать целую империю передовых технологий?!

И что особенно удивляло нашего наблюдателя, так это то, что богатые люди не закидываются на неудачах. Даже свои же великие достижения их кипучую деятельность не могут остановить, как предел мечтаний. Ну, сделал ты миллион и наслаждайся жизнью, – поражался Мохов, – так нет же, не сидится им. Делают еще и еще. Миллион за миллионом. Правильно говорят, что деньги прилипают к деньгам. Да еще вокруг истинно богатых людей, как вихри вращаются финансовые потоки, потому что деньги любят успешных и деятельных, ненавидя при этом неудачников, нытиков, болтунов и бездельников. Он понимал, что необходимо было найти свое настоящее дело, то есть ту работу, которая будет нравиться. Где он, Алик Мохов, полностью раскроет себя и наконец-таки явит миру нечто такое, что он, мир, почувствует себя перед ним в долгу...

Но такое дело никак бедолаге Альберту Анатольевичу не попадалось, пока он не встретил своего старого институтского приятеля. Однажды, подойдя уже к выходу из бутика какого-то известного бренда, куда он часто ходил на экскурсию красивой жизни, Алик неожиданно встретил Евгения Никольского, стоящего у кассы. Когда-то они вместе специализировались по девочкам. Женька вообще был баловнем судьбы и заражал всех своим оптимизмом. Он прекрасно играл на гитаре и пел, поэтому его общество всегда было беспроегрышным.

- Алька, здорово, дружище, – сказал тот, забирая многочисленные фирменные пакеты.
- Здорово, Женька! – радостно хлопнул его по плечу Мохов.
- Сколько лет, сколько зим. Ты как? Женился, наконец?
- Ты чего?! Уже два раза успел развестись... А ты как?
- А я женат на самой красивой и умной женщине в мире. Да, да, не смейся! Поехали ко мне, сам увидишь...
- Охотно верю, старичок. За тобой не заржавеет. Дети-то есть?
- Дочка растет, тоже красавица и умница. Вся в мать.
- И в отца. Не скромничай!
- А как бизнес твой?
- Да, не особенно. «У меня есть три желания, нету рыбки золотой»... В общем, отчелночил, а теперь вот не знаю, куда вложиться... – вдохновенно соврал Алик, почувствовав при этом, что у него «клюет».

– Вкладывайся в меня, не пожалеешь!

И Алик, действительно, никогда не пожалел, так как у Никольского была своя компания недвижимости. Это сейчас их много, а вот тогда было раз, два и обчелся. Начинали они с

коммуналок, расселяли, ремонтировали, а потом выставляли на продажу за такие деньги, что мало не покажется. Потом присоединились новостройки, коммерческая и загородная недвижимость. В общем, работы было – непечатый край. Женька был генератором идей, а Алька – исполнителем, потому что что-то придумывать гениальное он был неспособен. А вот его приятель Женька рождал идеи как-то на удивление легко и главное – своевременно! Однажды Мохов, даже не на шутку расстроился.

– Вот я тупой, мне бы никогда такая гениальная идея в голову не пришла! Скажи честно, ты меня держишь в компании только потому, что я твой старый друг, а?

– Ты что, Алька! Просто бывают разные типы людей. Одни интуитивные – генераторы идей, а другие сенсорные – они-то эти идеи в жизнь воплощают. Понял?

– Ничего я не понял.

– Не обижайся, друг, но ты и вправду тупой...

– Да ты объясни толком. А то сенсоры какие-то, – несмотря на мягкость тона, Алику готов был убить его.

– Ну, вот возьми, к примеру, космонавтику. Циолковский придумывал, рассчитывал, а Королев все это в жизнь воплощал. Кто бы без Королева был Циолковский? Мечтатель, никому не известный учитель из Тмутаракани.

– Значит, я Королев, а ты – Циолковский.

– Ну, вроде того.

Тогда они помирились, но Алику все равно считал себя ограниченным, тупым и бездарным по сравнению со своим другом. Вообще, Никольский был человеком, у которого все, что бы он ни придумывал, получалось. Даже на рыбалке он так лихо забрасывал удочку, что собирались местные зеваки – посмотреть, а как он это так здорово делает. Тогда Алику узнал, что существует такой вид ловли, как нахлыст. Сама английская королева им не брезгует. Да и с людьми Женька сходилась так же непринужденно. Как-то к ним в офис заглянула наша «выше крыши» звезда, решить какой-то свой мелкий вопросик с квартиркой на шестьсот квадратов в самом центре города. Алику просто потерял дар речи. Не мог и слова из себя выдать, а партнер не растерялся. Создалось впечатление, что звезды заходят к ним в офис, если не каждый день, то раз в неделю уж точно...

Что и говорить, рядом с Женькой – таким элегантным, обаятельным и привлекательным мужчиной метр восемьдесят пять ростом, – Алику чувствовал себя настоящим пнем, неуклюжим и неотесанным мужланом. Не было у него и тех знаний и умений, какие были у партнера. А также не было такой роскошной машины, квартиры и дачи. Но самое страшное для Алики было, то, что у него не было такой замечательной семьи, как у Женьки. И этот факт сыграл роковую роль в их отношениях...

Неудачи в личной жизни словно программировались в Алике еще со школьных лет. В своем классе, он дружил с самой красивой девочкой в школе – отличницей Ларисой с золотыми волосами. Носил ее портфель, провожал после занятий, и все уроки сидел только с ней. Над ним смеялись, иногда просто издевались жестокие одноклассники, но он знал, что как девчонки, так и мальчишки, буквально все, как один, ему завидовали. Во-первых, почетным было то, что он сидел с самой красивой девочкой в их классе. Да что там в классе – во всей школе! Как только приезжало школьное начальство из Мосгороно, так Лариску сразу же снимали с уроков – вручать цветы. Во-вторых, все окружающие понимали, что у них были по-настоящему высокие отношения. Многие ребята пытались отбить у него златоглавую Лариску, но как-то грубо, подчас очень неумело. И все их попытки, естественно, были обречены на неудачу. Что, естественно, еще больше прибавляло очков Алику, как единственному другу отличницы и красавицы. Да и сама девочка с золотыми волосами ни с кем не хотела сидеть и даже общаться, кроме него.

Был еще один секрет Ларискиного расположения – у них дружили родители. Все праздники и выходные они встречали вместе. Их отношения больше были похожи на отношения приятельствующих родственников, нежели на любовные. Они с Аликом знали друг друга буквально с пеленок, так как мамы познакомились, гуляя по парку с колясками, а потом уже завели дружбу их отцы. В детстве были даже моменты, когда их брал кто-то один из родителей, например, летом на дачу. Когда Алик после уроков провожал домой Ларочку, нежно взяв ее за руку, то вокруг все время кричали «Жених и невеста! Тили-тили тесто!». Ему, в этот момент, даже странно было подумать о том, что когда-то они, чумадые и совершенно голые, дрались за место в корыте, чтобы помыться...

– Знаешь, Алик, может быть, тебе не надо меня провожать?

– Это почему же? Вон хулиганья у вас во дворе сколько...

– Да, кричат они глупости разные. Тебе не обидно?

– Нет, Ларчик не обидно. А с женитьбой – вопрос решенный.

– Как понять «решенный»?

– Вот окончим школу и распишемся, как взрослые это делают.

– Правда?

– Ну, конечно, ведь ты же самая красивая девушка на свете!

В Ларисе Алик ни сомневался ни минуты: и то, что она такая красивая, и то, что умная, но ему всегда казалось, что его школа – самая плохая в городе Москве, хотя таких замечательных спецшкол с углубленным изучением немецкого языка было всего три на весь Союз. Как-то он услышал, что через улицу есть школа еще лучше, чем их, и решил перейти именно туда. Там – и здание новее, и учителя лучше... Лариска доверяла ему безоговорочно, и хотя ей жалко было и учителей, и одноклассников приставучих, да и сами стены, она рискнула и перешла вместе с ним. «Кто не рискует, тот не пьет шампанского!» – радостно и совсем взрослому восклицал тогда Алик, хотя к тому времени пробовал только пиво, да и то всего три раза в жизни. Для Ларисы это был шаг в неизвестное. Чуть ли не в бездну. Но с таким защитником, как Алик Мохов ей ничего не было уже страшно. Лариска верила, что их крепкая дружба навсегда, на всю оставшуюся жизнь!

Новый класс принял их парочку совершенно равнодушно. Никто их не обзывал, но никто и не привечал. Самое ужасное, что красота его Ларисы на фоне местных красавиц явно поблекла. Внешне они были не многим лучше его Златовласки, но эффект новизны подействовал на юношу возбуждающе. Потом эти девушки были какие-то уж слишком ухоженные. Мохов не сразу понял – они уже стали красить глаза и губы, пудрить носы и румянить лицо, а в его старой школе это было категорически запрещено. У некоторых новых одноклассников родители могли достать дефицит, и это чувствовалось по их благородным школьным формам, изысканной обуви, иностранным ручкам и фломастерам. Его солнечная девочка со своими толстыми хлопчатобумажными детскими колготками и потрепанными чешками в сменке, была просто Золушкой по сравнению с великосветскими дамами в кринолинах. Первой на кого обратил свое внимание Алик, стала грузинка Мака. Раскосые миндалевидные глаза, туфли на модной тогда платформе, и тонкие незаметные колготки, как у взрослой. Но, пообщавшись с Макой буквально пятнадцать минут, Алик понял, что девочка непроходимо глупа и самонадеянна.

Следующим открытием была Ольга Савченко, тоже круглая отличница, как и его Лара. Тихая, скромная девочка, в принципе, ничем особенным и не отличавшаяся, сама подошла к Алику и, артистически потупив глазки, сказала: «А у вас с Ларисой это серьезно?». Алик разозлился на Ольгу: «Какое твоё дело?!», но вместе с тем и обратил на нее свое пристальное внимание. У Савченко была родинка на правой щеке, от нее пахло какой-то черничной заграничной вкуснотой, и она постоянно что-то жевала. Не жвачку – так конфетку, не конфетку – так пряник или еще что-то съедобное. Как-то Алик принес ей корзиночку с кремом

и красной клюковкой сверху, так Ольга, как в том известном фильме про гангстеров, после этого готова была ему буквально отдаться на школьном чердаке. Вообще, Мохов подозревал, что девочки в этом новом для него классе знают про отношения полов гораздо больше, нежели их сверстницы в его старой школе. Особенно девочка с голубыми волосами – Таня Ратник.

В отличие от других, Таня не выглядела как ребенок. У нее был взгляд многоопытной женщины, или так ему тогда казалось. Весь класс знал, что свои кудрявые пепельные локоны она поласкает разбавленными чернилами. Ну и что? А его Лариска настаивает шелуху от лука и уже этим раствором поласкает голову, поэтому ее волосы так горят на солнце. У всех – свои заморочки. Но Таню Ратник по прозвищу «Мальвина», Алик не принял тогда всерьез, так как Таня писала записки Сашке Фролову, отдавала приказания Витальке Шабанову, а сама постоянно смотрела на Игоря Гордиевского.

Кстати, Игорь Алику нравился больше других ребят в их классе. Красивый, независимый, в общем, классный такой пацан. Им даже как-то дали одно задание на двоих, и Мохов позвонил Игорю после школы, чтобы договориться, что им делать дальше. Но в трубке, то ли его мама, то ли бабушка, ответила, что Игорь убежал к Нине на сеанс. Какой такой сеанс? Не понятно. Почему-то пришло в голову – сеанс радиосвязи или киносеанс. Странно. И какая – такая Нина? А, Нинка Кугушева, маленькая такая мерзлявая девочка. Она сидела в первом ряду, так как плохо видела, и постоянно о чем-то мечтала, витала в облаках. А если не мечтала, то рисовала. Причем как-то так энергично, неистово, что ли. Никто в классе над этой ее странностью не смеялся, просто привыкли и за спиной частенько дразнили «Ангелом», потому что так ее называла классная руководительница, когда приводила ее в пример. Уже тогда в Москве у Кугушевой за спиной было несколько серьезных выставок.

Все девчонки их класса тайно или явно думали о Гордиевском. А эта чем-то перепачканная замухрышка с ним после школы даже встречается... Вот это номер, чтоб я помер! Алик решил проследить за Игорем, и застукать, как он думал, любовников «на месте преступления». Говорят, что сеанс, а на самом-то деле... может быть все, что угодно. И однажды ему это удалось: по переулку шел Игорь и насвистывал, затем он полюбовался на себя в лужу, поправил челку, и свернул в Нинкин подъезд. Тем временем Алик выжидал за какой-то электрической деревянной будкой или щитком, когда он поднимется к Нине на старом скрипучем лифте. Выждав еще десять минут, для верности, Алик последовал примеру Игоря, пролетев по лестнице через три ступени, он трясущимися руками нажал на звонок. Квартира Кугушевых была на самом чердаке, причем, одна на небольшой площадке, так что ошибиться было невозможно. Ему открыла мама Нины. Милая женщина с ямочками на щеках и в кухонном фартуке. В квартире пахло красками и квашеной капустой.

– Я – Алик, можно мне увидеть Игоря?

– Входи, входи, Игорь позирует Ниночке. Подожди немножко, сейчас они уже закончат, и будем пить чай.

Странная женщина, – подумал Алик, – и, несмотря на уговоры, все же рванул дверь, где по его расчетам должны были находиться наедине Игорь и Нина. Комната оказалось огромной и светлой, без занавесок с простым дощатым полом и высоким потолком. Нина сосредоточенно стояла у мольберта, а Игорь сидел на подушке, склонившись над тазиком с водой. Они ничуть не удивились его приходу.

– Садись, Алик, – спокойно сказала Нина, даже не глядя на него.

– Спасибо, а что ты сейчас рисуешь?

– Легенду о Нарциссе помнишь? Так Игорь любезно согласился мне позировать.

– Можно я твои картины посмотрю?

– Конечно, смотри...

И тут его ждало настоящее открытие. Нинкины картины не были похожи ни на что другое им ранее виденное. Парящие в воздухе фигуры, собака, спрятавшаяся в траве, лесная дорога в горах, портрет мамы, туман на мокром шоссе. И много-много пейзажей с водой и деревьями. Вроде все, как обычно, но какая необычная манера исполнения! Это все было написано так, что ни с кем и никогда не спутаешь. Когда-то Алик слышал, что художники первое время подражают кому-нибудь из великих предшественников, а тут было нечто неподражаемое. Пришлось признаться в том, что он ничего не понимал в искусстве, ему бы футбол или хоккей прокомментировать. Вот это дела!

Но надо было быть полным олухом, чтобы не понять, у его новой одноклассницы определенно был большой талант. Глядя на холст или бумагу, Нина быстро делала мазок, один, другой, третий и из бессмысленных, казалось бы, неправильных линий рождалось настоящее произведение искусства. Причем, быстро и точно. Казалось, что торопыга Нина куда-то спешит, когда рисует. И в то же время у нее не было ни единого лишнего движения. Все было подчинено единому замыслу. Даже трактовка легенды о Нарциссе была своеобразной. Непонятно, где этот товарищ находился, но было ясно только одно: Нарцисс любит себя, смотря на свое отражение, внезапно появившееся на зеркальной поверхности воды.

Когда Нина рисовала, то казалось, что это все так легко и просто. Следя за ее быстрыми движениями, Алик решил, что тоже сможет научиться так необычно рисовать. Да и что тут может быть сложного? Смотри, да срисовывай! Вот он неоднократно списывал у Лариски, и ничего – пятерки получал. Хотя последнее время Лариска как-то сникла, ее золотые волосы потускнели, сама она располнела, и все чаще ей одной приходилось идти после занятий. Она уже и не спрашивала Алика, пойдет ли он с ней до дома, просто опускала голову и шла. У него были теперь свои интересы, а ее интересовал только он.

Как-то, видя, вконец расстроенную Лару, бредущую по дороге из школы, Алику стало стыдно за свое поведение, и он догнал уходящую девушку.

– Ларчик, ты извини, что не могу проводить. У нас тут, понимаешь...

– Не оправдывайся. Я все понимаю, – она сказала это так тихо, будто он душил ее.

– Вот и умница, ну, я пошел...

– Иди... подожди, я хотела сказать тебе, что жалею, что перешла в эту дурацкую школу...

Но последних слов Алик уже не услышал. Он бежал по своим делам, где Ларисе не было места. Больше они друг с другом в школе уже никогда не разговаривали. И потом, когда подросший и уже взрослый Мохов бросал женщин, он никогда не оправдывался, он надеялся, что они, как его школьная подруга Лариска все понимают. Да и любил ли он Ларису? Вряд ли. Вот кого он, действительно, любил, так это, наверное, Мальвину. Или сначала Нину? Сейчас Алик не мог себе точно ответить, но после Ларисы Нина стала его самым близким человечком. Сразу после уроков он, не сговариваясь с ней, самым нахальным образом приходил к Нине, в ее обшарпанную, пахнущую красками комнату, и пытался что-то изобразить. Сначала у него получалось все на уровне художников-примитивистов, но по прошествии времени, его рисунки стали более уверенными.

Правда, не более того. Алик Мохов должен был признать, что дальше жалкой посредственности ему в живописи никогда не продвинутся. Так стоит ли этим заниматься вообще? Зарисовывать какие-то предметы, стараться. Это его предел, и то, что Нине дано с детства, ему, возможно, не дано было совсем. Как-то они устроили даже сражение на кистях. Алик рисовал Нину за мольбертом, а Нина рисовала Алика в этот момент. Когда они сравнили свои художества, то Алик все понял без слов. Нина дала ему сто очков вперед...

Нина уже писала новый портрет Игоря, когда в мастерской появилась таким же наглым образом знойная Мальвина, Таня Ратник. Под благовидным предлогом, она тоже стала учиться рисовать и восхищаться Ниной, но только тогда, когда Игоря не было. При нем она

восхищалась только Гордиевским. Тот воспринимал похвалы как должное и, тем не менее, не уделял Ратник столько внимания, сколько она хотела. А с Ниной они понимали друг друга с полуслова, говорили тихо, и как-то чувствовалось, что им вдвоем хорошо. Глядя на такой тандем, Танька Ратник страшно злилась. Постепенно она сделала Алика своим временным поверенным в сердечных делах. Она буквально плакалась ему в школьную жилетку, и как-то, промочив фактически все плечо, подняла голову и неожиданно поцеловала Алика прямо в губы. Несмотря на свои долгие отношения с Лариской, у него ничего подобного с девочкой с золотыми волосами не было. Ну, целовали друг друга в щечку сухими губами, ну и что? Этот поцелуй был другим, совсем другим. Потом Алик поцеловал Таню, потом они долго еще целовались в тот день. И тогда Алик явственно понял, что окончательно пропал.

В школе они делали вид, что ничего между ними никогда не было. Танька продолжала писать записки Сашке, командовать Виталиком и смотреть на Игоря. Как она говорила: для отвода глаз. Иногда с урока отпрашивалась она, потом Алик и, выходя прямо в школьный коридор, они забивались в темный угол и страстно целовались. Для Алика перестали существовать все другие девочки, даже Нина. Грубые замечания Сашки и Виталика о том, что Мальвину уже перепробовал весь кукольный театр, его не смущали. Зависть, что поделаешь...

– Алик, что ты можешь совершить ради меня? – спросила его как-то Таня, застегивая бюстгальтер.

– Убить! – не задумываясь, сказал он, расстроившись, что руки нужно было все же убрать.

– Докажи!

– Запросто! Кого прикажите уничтожить?

– Нинку Кугушеву.

– Нет проблем. Придавлю, как клопа.

Придя в школу, Алик начал с мелочей – подставил Нине ногу. Спотыкнувшись, она, чуть было не расквасила себе нос. Все присутствующие в классе дружно засмеялись. Прodelка за прodelкой, подстава за подставой и на Нину Кугушеву началась настоящая травля. Причем, Игорь Гордиевский как-то даже пытался защитить девушку, да и делал это не раз, но наступил момент, когда и он сдался – стал ее травить вместе со всеми. Это было ужасно, когда Нина стояла у доски, а весь класс тянул протяжное «ууууу». Надо сказать, что все обиды Нина сносила мужественно, и все привыкли, что они обязательно должны как-нибудь ее задеть: толкнуть, обзывать, спрятать портфель, приклеить к столу дневник, выстрелить из рогатки, плюнуть в нее жвачкой...

Тот день в раздевалке Алик не забудет никогда. Утром он играл в футбол с Сашкой Фроловым портфелем Нины, а Виталик Шабанов топтал ее куртку в раздевалке. Это было чудовищно, но ни один мускул не дрогнул у «Ангела» на лице. Просто пионер-герой какой-то. Ее такое мужественное поведение еще больше заводило их. Ну, разрыдалась бы, что ли для приличия... Девочки, сбившись в стайку, смотрели на действия мальчишек. Мальвина ликовала. Сгорбленная Алевтина Яковлевна, их классная руководительница вышла в вестибюль, и закричала на обезумевших мальчишек. Схватив раскиснувший от грязи Нинин портфель, Сашка пошел его мыть в туалет, чтобы затем театрально вручить его владелице под всеобщий гогот. Тем временем Алик побежал в раздевалку, куда прошла Кугушева для того, чтобы переодеться на физкультуру. Виталик победоносно размахивал Нинкиной сменкой.

Он хотел в очередной раз напомнить, что на Кугушеву открыта настоящая охота. Все уже переоделись и вышли, Нина запаздывала, но единственной мыслью Алика было: «Хоть бы в раздевалке было много народу!». Его больше всего волновало присутствие Тани Ратник. Но упакованные в физкультурную форму девочки стояли в вестибюле, с другой стороны, и он не мог их видеть. Надеясь на успех, Мохов открыл дверь и истошно заорал, но никто ему

не ответил. Тогда он ворвался в раздевалку и то, что было дальше, он помнит очень смутно. Помнит только, как на полу лежала Нина как-то уж больно неестественно, словно спала, уткнувшись носом в школьный фартук, и молчала.

Ну, хорош, претворяться, дура набитая! – что есть мочи, играя на воображаемую публику, заорал тогда он. Никто его не услышал. Нина даже не пошевелинулась. И, расстроившись, что его геройство никто не видит, от досады громко, со страшной силой, пнул ее в бок и захлопнул дверь. Это потом были скорая помощь и милиция, а тогда он подумал, что Нинка просто издевается над ним. Улеглась и притаилась. Но зачем только на полу, словно упала?... Подумаешь, страус – голову в песок.

...В семнадцать лет еще кажется, что все мы бессмертны, что у нас впереди еще много-много лет, что ничего страшного, а тем более случайного с нами произойти не может. Когда Алик понял, что же с Ниной все-таки случилось, он от ужаса побежал на школьный чердак и разрыдался. Сколько он там просидел, Алик и сам не понял, но ему не хотелось спускаться к одноклассникам, да и просто ему не хотелось теперь жить, дышать. Нина умерла. Вот так, просто. Он открыл чердачное окно, и только собрался сделать шаг вниз, как за спиной услышал чье-то сиплое дыхание. Подумав, что это Нина пошутила, он радостно обернулся. Но это была Мальвина.

– Ну что, теперь-то ты довольна?

– Алик, что с тобой? Ты весь дрожишь!

– Это ты, ты во всем виновата. Это все из-за тебя! Кукла бездушная!

– Да прям, кто ее все время задевал? Кто ее гнобил? Не ты ли? Причем здесь я?

– Да уж. Это я тебе обещал убить ее, вот и убил. Я спрашиваю – ты довольна?

– Но ты же убил, не я... – сделав глаза большими и наивными, сказала Таня.

– Какой же я был идиот, что связался с тобой. Ты мной манипулировала, как куклой-марионеткой! Ты злая, гнусная, бездушная тварь...

От безысходности, от осознания собственной никчемности, он заплакал, как ребенок. Мальвина прибегла к испытанному средству – стала его целовать, в лоб, в губы, в шею. Больше всего на свете ему хотелось отстранить ее, сильно шлепнуть об пол, да так, чтобы у нее разбилась ее нелепая голова, в которой вместо мозгов было просто одно отхожее место. Видно перепутали еще при внутриутробном развитии. Но почему-то уже не было сил сопротивляться. И вдруг он почувствовал, как Таня присела, наклонилась к его брюкам, ловко расстегнула ширинку, и потом произошло что-то невообразимое, постыдное и в то же время необыкновенное по ощущениям.

Алик помнит только, что он летел куда-то далеко-далеко. Его засасывало в какую-то, будто бы вакуумную воронку, он сопротивлялся, даже конвульсивно так дергался, буквально толкался куда-то, но не мог ничего с этим процессом поделать. Да и прервать столь диковинные отношения, именуемые французской любовью, ему в голову даже не приходило. Всем своим существом, Алик чувствовал, как он разбухал, становился огромным, но совсем неожиданно его внутренности обжег спазм, и ему показалось, что его сущность просто рвет на части. И только, когда это произошло, он почувствовал полное опустошение, а Таня, довольная собой, сделала глоток, улыбнулась и только шепнула ему на ухо: «Ну, все, все, успокойся».

От волнения и презрения к самому себе, Алика стошнило. После всего с ними произошедшего, он не мог смотреть на Таню. Она была ему просто противна. Ведь хорошо же знал, что так бывает в отношениях между мужчиной и женщиной. Но никак не ожидал, что это произойдет именно с ним и именно сегодня. Потом Алик понял, что после этого действия чрезмерной близости, возненавидел Ратник, но это было уже потом. А сейчас вся его жизнь делилась на «до Нины» и «после нее».

После этого страшного дня, Алик больше никогда не открыл двери класса. Три дня он где-то скитался. Дико, до умопомрачения, напился с добрыми беззубыми и все понимающими бомжами неопределенного возраста. Когда же он окончательно протрезвел, то вернулся домой и сказал родителям, что в школу больше никогда не пойдет. К нему приходил участковый, брал показания, но в классе никто не сказал, что именно Алик Мохов последним видел Нину. Отец Саши Фролова постарался это дело замять, чтобы не копали дальше и не портили жизнь молодым людям, а его отец уговорил директора школы выдать Алику аттестат без экзаменов. Видя, как сын страдает, мать потащила его к какой-то ясновидящей, которая лечила невменяемого мальчика пассами над головой, затем укладывала его на свою кровать, накрывала шерстяным пледом, включала какую-то кассету с пением птиц и умиротворяющими звуками. На десятый сеанс Алик Мохов все негативное забыл и помнил только хорошее. Но в школу так и не вернулся. Его отец орал, чтобы он шел немедленно в армию, мать отвечала, что там-то уж их единственный сын и подавно свихнется. В результате его протолкнули в какой-то институт торговли, куда пристроили и Ларису, на которой он, как и обещал – все-таки женился.

Казалось бы, счастливый конец. Happy end. Но весь ужас ситуации только начинался. Только Алик оправился от переживаний, как увидел Ларису на первом курсе. Дикое чувство вины захлестнуло его так, что он ходил перед Ларисой колесом, только, чтобы она его заметила и простила! Окруженная немногочисленными представителями мужеского пола их факультета, Лариса заблестела здесь с новой силой. Ее встречал один, провожал другой. Она попала даже на первую полосу «Вестника торговли», и тут Алик не выдержал и пошел к родителям Ларисы домой, просить руки их дочери. По старой дружбе, те не могли ему отказать. Лариса обещала подумать. Прошла целая вечность, как показалось потом Алику, перед тем, как они поженились. На самом деле – всего два месяца. Все это время родители готовились к свадьбе. На минуточку Алику показалось, что он искупил этой свадьбой все. И то, что он так предательски бросил в школе Ларису, и то, что увлекся этой гадиной Ратник, и то, что был повинен в смерти Нины...

Но искупления собственных грехов за счет семейной жизни не произошло. Когда Алик с Ларисой стали жить вместе, и особенно, когда появился их сын, стало ясно, что хоть они и росли вместе – выросли совершенно разными людьми. Будто добившись всего того, что она хотела, Лара как-то быстро разжирела, опустилась даже. В общем, не была первой красавицей и умницей, чего ему так страстно хотелось. А потом... она не забыла ему той обиды, которую он нанес ей еще в школе. И быстро дала Алику это понять. Теперь уже трудно объяснить, что сыграло решающую роль в их отношениях, то ли то, что она все помнила, то ли то, что Лариса уже не была той красавицей с золотыми волосами, как раньше. Недолго думая, Алик развелся, так как понял – их отношения с Ларой уже давно исчерпали себя. Правы были древние греки, сказав, что все течет, все меняется, и нельзя войти дважды в одну и ту же воду. А русло умершей реки просто-напросто пересыхает...

В роскошной, но чужой для него прихожей, Алик сидел на кованой скамье и довольный собой натягивал ботинок. Сегодня утром он превзошел самого себя. Однозначно. Но Наташа в прозрачном домашнем халатике и изящных шлепанцах с пушком наверху, мялась, теребила кончики пояса и хотела ему что-то важное сказать. «Ну что, что ей еще нужно?!» – раздраженно подумал Алик и вопросительно взглянул на Наталью. Та опустила голову, он стал завязывать второй ботинок, когда она все же решилась.

– Я беременна.

– Это временно, – не думая, выпалил Алик и ретировался поближе к двери. Он спешил на работу.

– Не временно, я твердо решила, что буду рожать.

– Я-то здесь причем? – равнодушно произнес он.

– А притом, Алик, что это твой ребенок...

– Неужели?

– Алик, открой глаза, Женя уехал три месяца назад, а беременность всего семь недель! – она заплакала.

– Ну что ты, не плачь. Давай сядем, обо всем поговорим спокойно. Только я должен сначала покурить.

Время до прихода из колледжа Милы у них еще было. И он вышел на лестничную площадку Натальино элитного дома. Достал сигарету, затянулся, и картина для него стала постепенно проясняться. Когда он впервые пришел к Женьке Никольскому домой, то сразу понял, что супруги обожают друг друга. Их дочка – Милка – прекрасная пианистка, именно о таком ребенке мечтают честолюбивые родители, чтобы потом гордиться и... делать на нем деньги. Первые места на различных конкурсах, участие в музыкальных салонах и концертах. Даже на канале «Культура» про нее рассказывали. Золото, а не ребенок!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.